

Российская академия наук
Институт психологии

А. Л. Журавлев,
Т. А. Нестик, В. А. Соснин

**Социально-
психологические
аспекты геополитической
стабильности
и ядерного сдерживания
в XXI веке**

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2016

УДК 159.9
ББК 88
Ж 91

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.

Ж 91 Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 122 с.

ISBN 978-5-9270-0337-2

УДК 159.9
ББК 88

В монографии представлен теоретико-методологический анализ социально-психологических аспектов геополитической стабильности и стратегической безопасности. Особое внимание уделено психологическим особенностям ядерного сдерживания, социально-психологическим механизмам принятия решений по распространению и применению ядерного оружия, психологическим типам и детерминантам отношения личности и группы к ядерной угрозе.

Книга адресована специалистам в области социальной, политической и организационной психологии, психологии личности, социологии и культурной антропологии, она будет полезна преподавателям, аспирантам, магистрам и студентам психологических, социологических и политологических факультетов вузов.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2016

*Книга подготовлена по государственному заданию
ФАНО РФ, тема 0159-2016-0001*

ISBN 978-5-9270-0337-2

Содержание

Введение	5
Глава 1. Проблематика стратегической стабильности и ядерного сдерживания	9
Глава 2. Глобальные геополитические риски стратегической стабильности и ядерного сдерживания в XXI в.: современные тенденции и проблемы	19
Глава 3. Состояние исследований социально-психологических аспектов ядерной угрозы и ядерного сдерживания.	24
Глава 4. Психологические особенности отношения личности и группы к ядерному противостоянию.	35
Глава 5. Психологические механизмы распространения ядерного оружия и формирования готовности к его применению	66
Заключение	97
Литература	102

Введение

Обострение международных конфликтов, связанных с распространением ядерного оружия, новые вызовы стратегической стабильности и национальной безопасности делают все более актуальным изучение психологических аспектов ядерного противостояния. Между тем психологическая проблематика гонки ядерных вооружений и ядерной угрозы в целом в отечественной психологии мало разработана.

Глобализация, рост взаимозависимости государств, переплетение их геополитических и экономических интересов, а также переход к информационному обществу выдвигают на первый план использование различных способов психологического воздействия как более дешевой и эффективной инструмент ядерного сдерживания по сравнению с попытками опередить потенциального противника по разрушительности, точности и дальности ядерного оружия.

Анализ ряда факторов: формирование многополярного мира, возникновение «китайского геополитического синдрома», рост межкультурных конфликтов, междоцивилизационных противоречий и международного терроризма, а также тенденции объективного отставания в количественном отношении российских ядерных сил по сравнению с ядерным потенциалом США – дает основание утверждать, что в XXI в. психологические аспекты ядерного сдерживания будут приобретать та-

кое же существенное значение, как и стремление к военно-техническому превосходству.

Проблематика социально-психологических аспектов стратегической стабильности (СС) и ядерного сдерживания (ЯС) в отечественной психологической науке разработана пока крайне недостаточно, можно назвать лишь отдельные работы по этой теме (Журавлев, Нестик, Соснин, 2011; Журавлев, Нестик, Соснин, 2012а, б; Журавлев, Соснин, 2016; Нестик, 2016).

Кроме анализа методологических и военных проблем (стратегические риски, баланс военных сил, эскалация доминирования, нанесение первого удара и т. д.), в отечественных работах были намечены социально-психологические вопросы: психологические особенности руководителей, принимающих политико-стратегические решения; психологическая специфика ведения стратегических переговоров по ядерным проблемам; психологическая специфика принятия стратегических решений в группах кризисного управления; психологические механизмы доверия при разных уровнях риска восприятия ядерной угрозы.

Значимость этих и других психологических аспектов стратегической безопасности в последние годы существенно повысилась. Геополитическая ситуация в мире изменяется, возникают новые геополитические риски для безопасности России. Это осложненные взаимоотношения с Украиной, санкции Запада, проблемы глобального терроризма и борьба с «Исламским государством», изменение позиции Турции на мировой арене, вступление в клуб ядерных держав новых стран, продвижение западных систем ПРО к границам России. Все эти тенденции стали особенно заметны в 2014–2016 гг. Данные изменения требуют тщательного анализа геополитических рисков при рассмотрении социально-психологической проблематики ядерного сдерживания и стратегической безопасности.

Проблематику психологии ядерного сдерживания и стратегической безопасности можно рассматривать

как формирующееся новое направление социальной психологии – *геополитической психологии*.

Ключевой проблемой *геополитической психологии* являются предпосылки отношения личности и группы к глобальным политическим феноменам, а также роль психологических механизмов в поддержании стратегической безопасности и устойчивого развития человечества. Отличие геополитической психологии от психологии международных отношений состоит в том, что рассматриваемые в ней проблемы носят глобальный характер, затрагивают все человечество, а не только отношения между теми или иными конкретными странами.

В этом отношении геополитическая психология находится в русле макропсихологического подхода. К сфере макропсихологического анализа относится ряд базовых явлений общества: социально-политическое и духовно-нравственное состояние общества (и его консолидация), его социальное самочувствие, базовые проблемы, связанные с безопасностью страны (например, проблема коррупции, наркомании в обществе и ряд других). Если традиционными объектами психологического исследования являлись отдельные психические процессы (память, внимание, мышление и др.), личность, малые и большие группы, макропсихология изучает психологические явления, релевантные обществу в целом (Макропсихология современного российского общества, 2009). Геополитическая психология расширяет круг объектов психологического исследования, включая в него глобальные социальные движения и человечество в целом.

Предметная область геополитической психологии включает целый ряд феноменов. Во-первых, это особенности индивидуального отношения к глобальным политическим явлениям и процессам, проявляющиеся в результате межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия, а также социально-психологических процессов на уровне общества в целом; во-вторых, влияние глобальных процессов и яв-

лений на социально-психологические характеристики личности и группы (например, влияние роста информации о глобальном политическом кризисе на коллективные эмоциональные состояния в больших социальных группах); в-третьих, особенности отношения к глобальным проблемам в групповом сознании и совместной деятельности, несводимые к психологическим характеристикам отдельной личности (например, механизмы защиты позитивной групповой идентичности при формировании коллективных представлений о потенциальных глобальных рисках, несводимые к личностным характеристикам членов группы).

Основная цель данной работы – проанализировать состояние исследований в области психологии ядерного сдерживания и стратегической безопасности:

- описать проблемное поле и выделить психологические особенности ядерного сдерживания, наметить концептуальную схему его социально-психологического исследования;
- провести анализ имеющейся международной психологической исследовательской практики в этой области на данный момент (с выделением соответствующей психологической проблематики и литературных источников);
- наметить перспективные направления социально-психологических исследований стратегической безопасности и ядерного сдерживания.

Авторы выражают надежду на то, что вопросы, затронутые в данной работе, послужат отправной точкой для дальнейших теоретических и эмпирических исследований отечественных психологов.

ГЛАВА 1

Проблематика стратегической стабильности и ядерного сдерживания

В середине XX в. процесс осмысления роли и места ядерного оружия в современном мире и последующие шаги по его сокращению и ограничению предопределили потребность выработки «единого понятийного языка».

В ряде работ в том или ином объеме рассматривается понятийный аппарат данного направления исследований (Кокошин, 2003, 2009; Головин, Пионтковский, 2008; Вопросы безопасности и стратегической стабильности: в терминах и определениях, 2009).

Положения и параметры концепции стратегической стабильности (СС) начали формулироваться учеными, военными и государственными руководителями стран после резкого наращивания стратегических ядерных сил (СЯС) СССР и США в конце 1950–начале 1960-х годов. Появляются и первые психологические работы в этой области. Американская сторона в выработке своих стратегических позиций большую роль отводила исследованиям корпорации «РЭНД», проведенных на основе методов системного анализа и психолого-математического моделирования. Эти разработки использовались для аналитического обеспечения американских позиций в переговорах с СССР по проблемам ограничения и сокращения стратегических вооружений.

Термин «стратегическая стабильность» впервые был зафиксирован в Договоре между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (1987) и Догово-

воре СНВ-1 (1991). В тот же период был сформулирован принцип равенства и одинаковой (равной) безопасности сторон при ведении переговоров в области ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений*.

По данной проблематике к числу основных относятся категории «стратегическая безопасность» (СБ), «стратегическая стабильность» (СС), «ядерное сдерживание» (ЯС), «ядерный кризис» (ЯК) и «ядерный конфликт» (ЯКо).

Понятие *стратегической безопасности* отражает стабильное, неконфликтное функционирование системы международных отношений между субъектами мирового исторического процесса. Это предполагает наличие у этих субъектов (исходя из защиты своих национальных интересов) мотивации к сохранению СС в международных отношениях (с учетом имеющегося у них потенциала – экономического, военного, территориального, научно-технического, дипломатического и др.). Это предполагает также наличие у этих субъектов потенциала возможностей (в частности, экономического, военно-стратегического плана) для оказания соответствующего воздействия друг на друга, блокирования действий, ведущих к эскалации противостояния и роста потенциала конфликтности в международных отношениях.

Стратегическая стабильность определяется как «состояние военно-стратегических отношений между государствами и группами (блоками, союзами) государств, которое характеризуется длительным и устойчивым балансом сил, приводящим к устранению опасности возникновения ядерного конфликта (ядерной войны) и не позволяющим ни одной из сторон рассчи-

---

* Путем поиска и достижения договоренностей, повышающих выживаемость, устраняющих стимулы для нанесения первого ядерного удара и отражающих взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными средствами.

тывать на достижение военно-политических целей путем агрессии без неприемлемых для себя последствий» (Вопросы безопасности и стратегической стабильности: в терминах и определениях, 2009, с. 30).

Другое, близкое определение дает А. А. Кокошин: «Это состояние неспособности сторон нанести такой упреждающий удар, который позволяет вывести из строя подавляющую часть ядерных сил другой стороны, способных нанести ответный удар возмездия» (Кокошин, 2009, с. 65).

Кризисная стабильность – «это состояние стратегических сил сторон, при котором ни одна из них не решается первой применить стратегические ядерные силы в кризисной ситуации» (Вопросы безопасности и стратегической стабильности: в терминах и определениях, 2009, с. 22). Региональная стабильность – «это состояние межгрупповых отношений в рамках региона, которое характеризуется устойчивым равновесием сил противостоящих сторон в возможности решения спорных проблем без военного вмешательства» (там же, с. 29).

Содержание концепции *ядерного сдерживания** определяется следующим образом: «Это концепция, согласно которой наличие у государства ядерного оружия является главным фактором, удерживающим потенциальных противников (агрессора) от развязывания против такого государства войны (обычной, крупномасштабной, ядерной) в виду угрозы возмездия агрессору, и нанесения ему неприемлемого ущерба» (там же, с. 33).

С другой стороны, ЯС – это такое состояние ядерных потенциалов сторон, при котором у каждой из них устраняются побуждающие мотивы к развязыванию ядерного конфликта (ядерной войны), исходя из неприемлемых для себя последствий в результате ответных действий другой стороны. Другими словами, концепты

---

* Включает в себя ряд близких понятий – военное равновесие, деэскалация агрессивности, демонстрация силы, предотвращение войны.

СС и ЯС являются очень близкими, но если понятие СС определяет цели, то понятие ЯС определяет механизмы и способы (аргументацию) в достижении международной стабильности.

Кроме этого, в концептуально-понятийном описании проблематики СС и ЯС существует ряд дополнительных представлений, имеющих прямое отношение к психологическим аспектам. Концепции СС и ЯС основываются на учете «политических, политико-психологических и оперативно-стратегических факторов» (Кокошин, 2009, с. 7). В вопросах обеспечения СС, кроме учета тенденций и закономерностей развития военной мысли (различных средств поражения) и динамики изменений в мировой политике, необходимо учитывать «психологию лиц, принимающих решения» (Кокошин, 2009, с.18).

Одна из сложностей обеспечения СС (помимо материальной основы ЯС) «состоит в том, что люди, формулирующие политические установки... не всегда четко представляют себе и современную оперативно-стратегическую сферу, и военно-техническую, не имея к тому же „под рукой“ необходимой группы экспертов, ученых соответствующей квалификации» (Кокошин, 2009, с. 20).

Проблема СС – это комплексная междисциплинарная проблема, но она «в значительной мере – предмет политологии и политической психологии, которые в нашей стране развиты, к сожалению, в явно недостаточной степени» (Кокошин, 2009, с. 21).

Современные тенденции развития геополитической ситуации в мире (объективное ухудшение американо-российских отношений, нарастание глобального кризиса современной цивилизации, «китайский геополитический синдром» и др.) делают все более актуальной проблему обеспечения СС в «диадных» отношениях России и США. Именно от этих отношений, несмотря на возрастание роли других факторов, зависит обеспечение политико-военной и военно-стратегической стабильности в системе мировой политики в целом (Ко-

кошин, 2009, с. 24). При этом тенденции объективного отставания в количественном отношении российских СЯС по сравнению с СЯС США будут все больше увеличивать соответствующие негативные последствия для нашей страны политико-психологического порядка (Кокошин, 2009, с. 25).

Кроме этого, обеспечение глобальной и региональной стратегической стабильности тесно связано с нераспространением ядерного оружия. Перспективы появления новых ядерных государств, непредсказуемых в плане политико-военного и военно-стратегического поведения, контрастирующего с тактикой «старых» ядерных держав (РФ, США, КНР, Франции, Великобритании), и недавние члены «ядерного клуба» – Индия и Пакистан (не говоря об Израиле) – создают новые угрозы и риски СС.

Обеспечение «стабильности» базируется на субъективной оценке всеми заинтересованными сторонами вероятности выведения объекта (в нашем случае – системы стратегического ядерного взаимодействия сторон) из устойчивого состояния. Ключом к обеспечению стабильности является субъективная уверенность лиц, принимающих стратегические решения, в низкой вероятности возникновения ядерного кризиса и ядерной войны при имеющемся соотношении и структуре военных потенциалов сторон.

Главным фактором «стабильности» является наличие... потенциального барьера, преодоление которого в результате внешних возмущений означало бы переход военно-стратегической „суперсистемы“ в новое качественное состояние – от взаимодействий, характерных для мирного времени, к взаимодействию, определяемому принципиально отличной военной логикой, логикой, ведущей к ядерной стратегической войне» (Кокошин, 2009, с. 60). Устойчивость равновесия системы зависит от соотношения потенциалов сторон и степени вероятности нарушения сложившегося баланса одной из сторон и оценки способности другой сторо-

ны нейтрализовать нарушение баланса, восстановить равновесие.

Понятия «равновесие» и «стабильность» по содержанию синонимичны; они отражают одно и то же состояние стратегического соотношения сил сторон, однако в их трактовке произошла определенная модификация – термин *равновесие* стал использоваться для отражения количественных параметров существующей «супер-системы», а понятие *стабильность* – для качественной оценки ее состояния.

Для анализа расчета степени устойчивости исследователями вводится категория «*динамического диапазона*» (или запаса устойчивости). «Наличие такого диапазона, понимание его масштабов создают весьма важные условия для маневра на переговорах... для выработки... гибких подходов к формулировкам договоренностей» (Кокошин, 2009, с. 64). Расчет этого динамического диапазона «представляется особенно важной и актуальной задачей... при выработке подходов к строительству СЯС и к переговорам по ограничению и сокращению таких вооружений» (там же, с. 64).

Для анализа состояния СС специалисты вводят еще одно понятие – «неопределенности возможности нанесения ракетно-ядерного удара», способного поразить имеющийся ядерный потенциал противника до уровня, не позволяющего ему нанести адекватный ответный удар. Невозможность снизить степень неопределенности до достаточного уровня (с учетом обеих сторон) имеет важные психологические последствия для достижения СС: «Повышенная степень неопределенности для обеих сторон действует в направлении повышения устойчивости военно-стратегического равновесия, а не наоборот... И одним из средств, обеспечивающих такую стабилизирующую неопределенность, является соответствующий ограничивающий договор» (Кокошин, 2009, с. 66). Более того, масштабы «неприемлемого» ущерба могут быть разными в восприятиях разных высших руководителей одной и той же страны.

Другими словами, обеспечение стратегической безопасности в современном мире требует обязательного учета социально-психологических механизмов и феноменов принятия групповых решений по вопросам СС и ЯС. Необходимо постоянно учитывать, «что под воздействием сложной совокупности политико-психологических факторов с появлением мотивов и форм поведения далеко не рационального характера даже частично эффективная противоракетная система может породить у государства, обладающего ею, опаснейшую иллюзию возможности отразить менее мощный ответный удар другой стороны после того, как он будет ослаблен и дезорганизован внезапным ядерным нападением на ее стратегические силы и систему их управления и связи» (там же, с. 69). Внезапное ядерное нападение и победа невозможны, если нападающий не может предотвратить ядерного возмездия или снизить его мощь для себя до «приемлемого» уровня.

Очевидно, что теория и практика СС и ЯС имеет культурную специфику, отражает особенности национальной психологии, традиции национальной политической и военной культуры» (там же, с. 78), поэтому анализ психологических аспектов проблематики СС и ЯС приобретает в современных условиях особую актуальность.

Проблема предотвращения эскалационного доминирования. Концепция эскалационного доминирования в проблематике СС и ЯС была введена в аналитический оборот после выхода в свет работы Г. Кана (в прошлом специалиста РЭНД Корпорэйшн) под названием «Об эскалации» (Khan, 1965). В целом эта концепция заимствована из социальной психологии конфликта и переговоров или конфликтологии, как ее называют социологи (Журавлев, Соснин, Красников, 2008; Левицкий и др., 2006).

Эскалационное доминирование – «стратегия поэтапного повышения боеготовности одной из сторон в условиях политико-военного кризиса, т. е. повыше-

ние «порогов» готовности одной из сторон к нанесению ядерного удара другой стороне для демонстрации своих намерений в политико-военном противостоянии в ходе международного политического кризиса» (Кокошин, 2009, с. 87)*.

Одним из ярких и поучительных примеров реализации такой стратегии является динамика противостояния между СССР и США в ходе Карибского кризиса в октябре 1962 г. (Аллисон, 2000, 2001).

С категорией эскалационного доминирования непосредственно связаны понятия «ядерного конфликта» и «ядерного кризиса». Под ними понимается кризисная ситуация, в которую вовлечены один или несколько обладателей ядерного оружия, в ходе ее развития эскалация доходит до уровня, когда одна или более сторон начинают рассматривать практическую возможность применения ядерного оружия (Кокошин, 2003, с. 4).

Важным для понимания психологических особенностей ядерного сдерживания является понятие «ядерного порога» – условный момент в ходе военного конфликта, когда может быть принято решение о применении ядерного оружия, мотивируемое расчетом на безнаказанность после его применения. Чем сильнее угроза ответного возмездия, тем труднее принять решение применения ЯО и, следовательно, тем выше ядерный порог.

В связи с необходимостью противодействия стратегии эскалационного доминирования возникает ряд важных проблем военно-политического и психологического порядка.

---

* К этому понятию близко примыкают «ядерный порог», «ядерный паритет», «военное превосходство», «военная опасность», «демонстрация силы» и ряд других терминов. Заинтересованный читатель может обратиться к цитированным выше источникам (например: Вопросы безопасности и стратегической стабильности: в терминах и определениях, 2009).

Во-первых, это проблема разработки «национальной системы кризисного управления»*, располагающей отработанными механизмами† урегулирования конфликтных и кризисных ситуаций и включающей представителей высшего государственного уровня, а также разведслужб и дипломатического корпуса, «цепочку» управления вооруженными силами – от стратегического до тактического уровня. Важной составляющей такой системы является *психологическая поддержка принятия стратегических решений* – привлечение специалистов для оценки психологических факторов развития ситуации, а также использование специальных социально-психологических технологий, снижающих вероятность мотивационных и когнитивных искажений при индивидуальном и групповом принятии решений.

Во-вторых, это *психология субъектов ведения переговоров* по проблематике СС и ЯС, принимающих стратегические решения. Это конкретные люди, обладающие индивидуальными личностными качествами, которые могут существенно влиять на принятие стратегических решений в рамках конкретных систем стратегическо-

---

* «Важность наличия такой системы кризисного управления до сих пор недооценивается ни учеными, ни в государственном аппарате, в политическом классе в целом. Эта тема остается практически без внимания в отечественной конфликтологии... что связано со слабо выраженной традицией проведения серьезных политологических исследований с использованием крупных массивов эмпирических данных» (Кокошин, 2003, с. 89).

† По существу, это стратегия (или механизмы) управления публичными демонстрациями готовности одной стороны противодействовать эскалации доминирования другой стороны. Такие демонстрации являются важной стороной искусства «стратегического жеста» и включает в себя, кроме военно-стратегических, и психологические составляющие (выбор оптимального времени демонстрации, форма подачи этих жестов в СМИ, запрограммированные «утечки информации» и др.).

го управления. «Помимо официальных лиц, ведающих вопросами войны и мира, это и соответствующие министры, начальник Генштаба и ряд его заместителей и помощники, и советники. Многие из них формально не имеют отношения к политико-военным проблемам, особенно ядерным, но на деле могут в кризисной обстановке, как учит опыт истории, иметь не меньшее влияние, чем те, кому положено по должности готовить решения высшего руководства и обеспечивать его реализацию» (Кокошин, 2003, с. 6).

В-третьих, это *психология принятия групповых решений*. Исключительно важна политико-психологическая устойчивость не только высшего политического и военного руководства, но и всей группы кризисного реагирования. При принятии групповых решений в кризисных ситуациях возникает ряд психологических эффектов, которые могут существенно влиять как на эффективность принимаемых решений, так и на вероятные последствия их реализации. Сюда входит проблема формирования и выработки правил функционирования независимой экспертной группы из числа специалистов соответствующего профиля, выполняющих роль посредников при принятии групповых решений и рекомендаций высшему руководству страны.

В-четвертых, это собственно *проблематика психологической специфики ведения переговоров* по вопросам СС и ЯС с другими международными субъектами этого процесса.

ГЛАВА 2

Глобальные геополитические риски стратегической стабильности и ядерного сдерживания в XXI в.: тенденции и проблемы

Обеспечение стратегической стабильности по-прежнему остается краеугольным камнем международной безопасности. Это многомерная междисциплинарная проблема, требующая учета естественно-научных, научно-технических, политических и военно-стратегических факторов. Главную роль в решении проблемы продолжает играть сдерживающий эффект ядерного оружия. Стратегическая стабильность – это комплексная тема, включающая естественно-научный, инженерно-технический и военно-научный компоненты. В значительной мере она является предметом политологии и политической психологии (Кокошин, 2015).

Борьба государств за усиление своих позиций и влияние в мире определяется имеющимися ресурсами. Не менее важны субъективные мотивы и стратегии поведения политических элит и отдельных государственных деятелей. С высокой степенью вероятности можно предположить, что характер этой борьбы останется неизменным в ближайшие десятилетия (Кокошин, 2015).

Как утверждает А. Кокошин, сейчас вновь возникла угроза политико-военной конфронтации, при которой рельефно проявляется роль ядерного фактора (в духе 1950–начала 1960-х и первой половины 1980-х годов), которая, как представлялась многим, навсегда ушла в прошлое.

В течение двух последних десятилетий США вели непрерывные войны с неочевидными политическими результатами, но с демонстрацией эффективности своей военной машины, оснащенной самой современной боевой и специализированной техникой. В сознании многих американских политиков и высокопоставленных военных грань между войной и миром оказалась расплывчатой. Исчезла острота восприятия опасности перерастания политико-военного противостояния в ядерный конфликт с угрозой применения ядерного оружия (Кокошин, 2015, с. 965).

Это главный геополитический риск, возникший как угроза стратегической стабильности в ядерных вопросах в современном мире. Сегодня принципиально неверно полностью исключать, пусть даже гипотетическую, возможность возникновения ядерных конфликтов. Усиливается геополитическая напряженность во взаимоотношениях главных субъектов исторического процесса – России, США, Китая и Турции, претендующей на доминирование в регионе Ближнего Востока.

Военное столкновение ядерных держав может создать ситуацию, в которой демонстрация сторонами своей готовности применить ядерное оружие перерастет в реальные ядерные удары. Сегодня в условиях силовых действий США и их союзников, оправдываемых «украинским кризисом», вероятность дальнейшего обострения политико-военной обстановки значительно увеличилась. У Вашингтона может возникнуть соблазн воспользоваться преимуществом в силах общего назначения, особенно в военно-морских силах, для демонстрации своего превосходства. Это на несколько ступеней поднимет вероятность ядерного противостояния (конфликта) вверх по «лестнице эскалации».

При этом политические лидеры зачастую оказываются в стрессовой ситуации, снижающей степень психологической рациональности принимаемых ими решений.

Эти глобальные риски создают новую геополитическую ситуацию в мире. Какие новые проблемы в этой связи возникают для обеспечения стратегической стабильности России? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к зарубежным работам по политологии и политической психологии. Но, прежде всего, кратко обозначим стратегическую логику нераспространения оружия массового поражения и ядерного сдерживания в XXI в. в целом.

Одним из наиболее эффективных международно-правовых средств сохранения мира и предотвращения войны являются разоружение и ограничение вооружений. В настоящее время имеется комплекс международно-правовых норм для успешного решения проблемы разоружения и сокращения вооружений как в полном объеме, так и частичного. Устав ООН определяет порядок и задачи решения этой проблемы. Основными органами по разоружению в рамках ООН являются Конференция ООН по разоружению, а также Комиссия ООН по разоружению, которая готовит рекомендации по этим проблемам, разрабатывает общие принципы переговоров, следит за выполнением решений специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению.

Наиболее показательный пример усилий международного сообщества по ограничению распространения ядерного оружия – обсуждение ядерной программы Ирана. 14 июля 2015 г. был принят документ основными участниками переговоров – Россией, США, Китаем, Францией, Германией и Англией – по ограничению ядерного потенциала Ирана. После принятия этого документа основное внимание было сосредоточено на долговременных усилиях международного сообщества для обеспечения того, чтобы исследования Ирана по ядерной проблематике оставались в рамках мирных целей. Эти договоренности включали проведение международных инспекций для проверки соблюдения Ираном этих соглашений. Успешное ограниче-

ние ядерных возможностей Ирана является примером для других исторических ситуаций.

В настоящее время существует несколько неядерных государств, которые имеют возможности приобрести ядерное оружие, но пока воздерживаются от этого шага (Walsh, 2005). Опыт обсуждения ядерной программы Ирана оказался фундаментальным для снижения рисков распространения ядерного оружия (Browen, 2015). Озабоченность мирового сообщества в отношении ядерной программы Ирана является одним из условий, необходимых для установления стабильности в этом регионе (Levis, 2015).

Ядерные отношения между Россией и США. В целом эта проблема достаточно известна: существует паритет по ядерным потенциалам между нашими странами и стратегические договоренности при возникновении кризисных ситуаций. Это пока главное при всех возникающих противоречиях (Кокошин, 2015; Журавлев, Нестик, Соснин, 2011). Вместе с тем баланс сил может быть легко нарушен за счет расширения или ограничения возможностей применения ядерного оружия: это и односторонний выход США из договора по ПРО, и установка систем ПРО вокруг границ России (подробнее о российско-американских отношениях в контексте изменений глобальной системы безопасности см.: Тимофеев, 2014; Преодоление разногласий, 2015; Барабанов и др., 2016; Глобальная система на переломе, 2016).

Психологические риски в этой ситуации связаны, прежде всего, со самоуверенностью и утратой чувствительности руководства стран к границам допустимого давления друг на друга: когда стороны сосредотачиваются на получении тактических преимуществ, они постепенно расширяют границы допустимого адекватного ответа на провокации.

Отношения США с Россией осложнены ощущением всемогущества, сформировавшимся у американского политического руководства. Это делает их подвержен-

ными эффектам самоуверенности и самоуверенности при принятии решений. Со стороны российских элит отношения с США осложняются стремлением защитить позитивную групповую идентичность, преодолеть «унижение» 1990-х годов, восстановить утраченное геополитическое влияние. Оба эти состояния делают руководителей уязвимыми перед жаждой «маленьких побед», характерной для массового сознания предвоенных обществ. Анализируя предпосылки Первой мировой войны, П. Слотердийк назвал это состояние комплексом катастрофофилии (Sloterdijk, 1983; Назаретян, 2015; Тимофеев, 2009).

ГЛАВА 3

Состояние исследований социально-психологических аспектов ядерной угрозы и ядерного сдерживания

В отечественной социальной психологии проблематика ядерной угрозы затрагивалась лишь косвенно, преимущественно в связи с восприятием населением угрозы радиоактивного заражения (Хашченко, 2002; Мельницкая, 2009; Прох и др., 2009). За исключением немногочисленных работ, посвященных психологии мира в целом (Рощин, Соснин, 1995; Кольцова, Нестик, Соснин, 2006), проблема международного ядерного противостояния специально отечественными психологами не рассматривалась. Напротив, в зарубежной социальной психологии она активно разрабатывалась на протяжении последних 40 лет.

Одной из причин такого положения в отечественной науке является секретный характер данных по ядерному вооружению, поэтому изучение психологических аспектов гонки вооружений проводилось по заказу государства в рамках «закрытой» тематики; результаты таких работ имели статус «для служебного пользования».

Первые зарубежные исследования психологических аспектов ядерного противостояния относятся к 1960-м годам. Так, например, внимание социальных психологов уже тогда привлекла к себе роль «образа врага» в формировании политики ядерного сдерживания (Bronfenbrenner, 1961). Специалисты по психологии конфликта включились в поиски методов снижения международной эскалации в ядерную эпоху (Deutsch, 1962). По заказу

министерства обороны США изучались психологические последствия ядерного удара, в частности, исследователей интересовало психологическое состояние людей, длительное время находящихся в убежище. В общем виде психологические аспекты ядерной войны затрагивались в работах политологов и экономистов корпорации RAND, создавших со временем «теорию ядерного сдерживания первой и второй волны».

Начало первой волны публикаций на эту тему положил отчет Йельского института международных исследований, подготовленный в 1946 г. под руководством Бернарда Броуди (*The Absolute Weapon*, 1946) командой исследователей в составе Ф. Данна, П. Корбетта, А. Уольферса и У. Фокса. Несмотря на наличие других аналогичных работ (Hawley, Leifson, 1945; Davidson, 1946; Browne, 1946; и др.), именно данный отчет стал первой попыткой комплексного анализа политических и психологических последствий наличия и применения ядерного оружия. Б. Броуди, прозванный «американским Клаузевицем», одним из первых показал, что назначение ядерного оружия состоит не в его применении, а в устранении самой возможности ядерного удара (Brodie, 1959). Иными словами, еще до начала гонки ядерных вооружений (1949) стало очевидно, что атомные бомбы являются прежде всего «психологическим оружием».

Вторая волна публикаций в области теории ядерного сдерживания, опиравшаяся в значительной степени на математические модели и теорию игр, относится к периоду работы Б. Броуди и его коллег в корпорации RAND (с 1951 по 1966 г.). Основными ее идеологами стали аналитики RAND, имевшие большое влияние на Пентагон: Г. Кан, А. Вольстеттер, У. Кауфман, Т. Шеллинг и др. Концепции «второй волны» строились на трех ключевых принципах:

- 1) противник обязательно воспользуется возможностью нанести удар и расширить свое геополитическое влияние;

- 2) сдержанть агрессию можно путем убеждения противника в том, что удар по своим последствиям менее выгоден, чем статус-кво;
- 3) противник должен быть уверен не только в способности нанести ответный удар, но и в решимости политиков сделать это (Wohlstetter, 1958; Kahn, 1961).

Одним из психологических следствий данных положений была предложенная Томасом Шеллингом концепция «рациональности иррационального»: сдерживание будет эффективным только в том случае, если удастся убедить противника в том, что обороняющаяся сторона достаточно иррациональна, чтобы нажать на кнопку и запустить процесс всеобщего уничтожения (Shelling, 1966). Иными словами, психологические факторы (воспринимаемая противником угроза, уверенность в его готовности к решительным действиям) имеют более важное значение для сдерживания, чем реально имеющийся технический и ядерный потенциал.

Опираясь на модель рационального выбора и математическую теорию игр, специалисты RAND сформулировали концепцию «гарантированного взаимного уничтожения», согласно которой необходимо создать объективные военно-технические условия, которые, будучи приняты во внимание при математических расчетах, убедят потенциального противника в возможности ответного удара, несущего возмездие. Автором концепции стал Герман Кан, ведущий аналитик RAND и влиятельный футуролог. Он пришел к выводу о том, что сдерживание будет успешным лишь в том случае, если считать победу в ядерной войне возможной и готовиться к ней заранее. По мнению Г. Кана, часть населения и государственные структуры могут выжить после ядерной войны, как после эпидемии «черной смерти» в средневековой Европе. Аппетиты враждебных ядерных государств может умерить лишь гарантия выживания США в ядерной войне. Для этого необходимы не только мощный, хорошо защи-

щенный ядерный арсенал, но и системы противоракетной и гражданской обороны, своего рода «Ноев ковчег», способный пережить «ядерную зиму». Впервые сформулированная Г. Каном, эта концепция в начале 1980-х годов стала разрабатываться профессором Колином Греем, являвшемся в то время советником администрации президента США (Gray, Payne, 1980).

Психологические работы, посвященные гонке ядерных вооружений, в 1970–1980-е годы в значительной степени строились на критике классических теорий ядерного сдерживания, предполагающих абсолютную рациональность принятия решений в ходе международного конфликта. Оказалось, что решения о приобретении ядерного оружия и нанесении удара могут быть связаны с большим количеством когнитивных и мотивационных искажений на индивидуальном и групповом уровне и способны привести к катастрофическим ошибкам (Tetlock et al., 1991; Allison, 1971; George, 1980; Herek et al., 1987; Pfiffner, 2005).

Пик интереса психологов к проблемам гонки ядерных вооружений приходится на вторую половину 1980-х годов. В это время активно обсуждалась роль психологов в борьбе за ядерное разоружение и необходимость освещения рисков ядерной войны в СМИ (Fabick, 2007; Christie, 2003, 2006; Wagner, 1985, 1988, 2001; Blumberg, 1998; Blight, James, 1988; Morawski et al., 1985). В это же время появляются несколько монографий, обобщающих данные эмпирических исследований в области когнитивных аспектов сдерживания, психологических последствий ядерной угрозы, психологии поведения людей, выживших после ядерного удара (Jervis et al., 1985; Varsh, Lipton, 1985; Kull, 1988). Лейтмотивом этих работ является вывод о том, что политики ошибочно оценивают силы противника, его намерения и готовность к применению ядерного оружия (Jervis et al., 1985).

Наиболее многочисленными в эти годы оказались эмпирические исследования восприятия ядерной угрозы рядовыми американцами и молодежью различных

стран. Были разработаны методы психотерапевтической помощи детям, испытывающим страх ядерной войны (Early-Adams et al., 1990), а также специальные методики оценки отношения личности к применению ядерного оружия (Chandler, 1991; Newcomb, 1989; Mayton, 1988).

Большинство этих методик – стандартизированные психологические опросники, состоящие из утверждений, степень согласия с которыми испытуемым предлагается оценить по 5- или 7-балльной шкале Лайкерта: «Для обеспечения безопасности нашей страны необходимо производить как можно больше ядерного оружия»; «Мне кажется, что в течение ближайших 10 лет может быть ядерная война»; «Я думаю, что у меня есть шанс выжить в ядерной войне»; «Создание ядерного оружия – эффективное средство устрашения»; «В ядерной войне победить невозможно» и т. п. Эти опросники измеряют убеждения и установки по отношению к ядерным проблемам в целом и созданию ядерного оружия (Zweigenhaft et al., 1986; Johnson, 1985; Mayton, 1988; Newcomb, 1986; Hamilton et al., 1986); отношение к ядерной войне (Larsen, 1985; Nelson and Slem, 1984); степень осведомленности о ядерных вопросах (Kierulff, Zippin, 1985); оценку эффективности борьбы за безъядерный мир и готовность в ней участвовать (McClenney, Neiss, 1984; Werner, Roy, 1985; Schofield, Fox, 1987).

В ходе разработки и стандартизации этих методик выявлялась и эмпирическая структура представлений американцев о ядерной угрозе, отраженная в результатах факторного анализа и соответствующих шкалах. Так, например, состоящая из 27 пунктов методика Р. Цвайгенхафта измеряет представления о вероятности и степени разрушений, возможности выживания в ядерной войне, а также уровень тревоги по поводу ее начала. Исследование структуры представлений о ядерной войне в массовом сознании позволило Д. Мейтону разработать методику со шкалами «Гражданская безопасность», «Эскалация войны», «Последствия ядерной войны», а также «Вероятность войны и связанные с ней тревоги» (Mayton, 1986,

1988). Л. Нельсоном и Ч. Слемом была разработана методика для изучения отношения к различным стратегиям в области ядерного вооружения (Nuclear Weapons Policies Questionnaire, NWPQ). Утверждения опросника сгруппированы в несколько блоков: «Контроль за ядерными вооружениями», «Озабоченность поддержанием ядерного превосходства», «Намерения СССР в области контроля над ядерными вооружениями», «Стратегическая оборонная инициатива Р. Рейгана», «Вероятность войны», «Последствия войны», «Озабоченность возможностью ядерной войны» и «Замораживание ядерных вооружений» (Nelson, Slem, 1984).

Для измерения тревоги в связи с возможностью ядерной войны М. Ньюкомб разработал «Опросник отношения к ядерным проблемам» (Nuclear Attitudes Questionnaire, NAQ), содержащий такие шкалы, как «Озабоченность ядерными проблемами», «Поддержка создания ядерного вооружения», «Страх будущего» и «Отрицание важности ядерных проблем» (Newcomb, 1986). Особый интерес представляет методика под названием «Ядерные ориентации» (Nuclear Orientation Questionnaire, NOQ), позволяющая оценить отношение к ядерным проблемам в контексте общего мировоззрения личности (Hamilton et al., 1986).

Авторами были выделены такие ориентации, как:

- 1) романтизм, т. е. вера в то, что благоразумие политиков удержит их от ядерного конфликта;
- 2) гедонизм, т. е. убеждение, что пока не началась ядерная война, нужно жить настоящим и получить от жизни как можно больше;
- 3) стоицизм, т. е. вера в то, что война неизбежна, но часть человечества выживет;
- 4) поддержка устрашения, т. е. убеждение, что войны можно избежать благодаря наращиванию ядерного арсенала;
- 5) альтруистический фатализм, т. е. признание своей неспособности предотвратить ядерную войну в со-

- четании со стремлением сделать как можно больше для людей вокруг себя;
- б) поддержка разоружения, т. е. вера в возможность предотвратить войну силами общественности;
  - 7) теизм, т. е. вера в то, что «все в руках Господа»;
  - 8) элиминационизм, т. е. убеждение, что враждебные ядерные государства должны быть сметены с лица земли опережающим ядерным ударом;
  - 9) надежда на выживание, т. е. вера в то, что, подготовившись заранее, можно успешно пережить ядерную войну.

После спада популярности ядерной темы, связанного с прекращением холодной войны, число соответствующих публикаций снова стало расти в 2000-е годы (Berejikian, 2002; Frey, 2006; Nymans, 2006; Paul, 2009). Находясь под влиянием теории идентичности и социального конструкционизма, эти работы подчеркивают роль социокультурных и социокогнитивных процессов, влияющих на эффективность ядерного сдерживания. Все большее внимание уделяется не только политологическим, но и психологическим аспектам ядерного терроризма (Khripunov, 2006; Кокошин, 2004; Аллисон, 2007).

Психологические факторы эффективности ядерного сдерживания, как и любые другие социально-психологические феномены, могут быть систематизированы в соответствии с уровнями социально-психологического анализа: внутриличностный, межличностный, внутригрупповой, межгрупповой и социетальный (см. рисунок 1).

Хорошо заметна существенная диспропорция в количестве исследований: внутриличностные и групповые факторы значительно более изучены, чем межличностные, межгрупповые и социетальные.

Среди *внутриличностных, индивидуально-психологических факторов* эффективности ядерного сдерживания следует выделить когнитивные и мотивационные искажения, а также особенности личности политика,

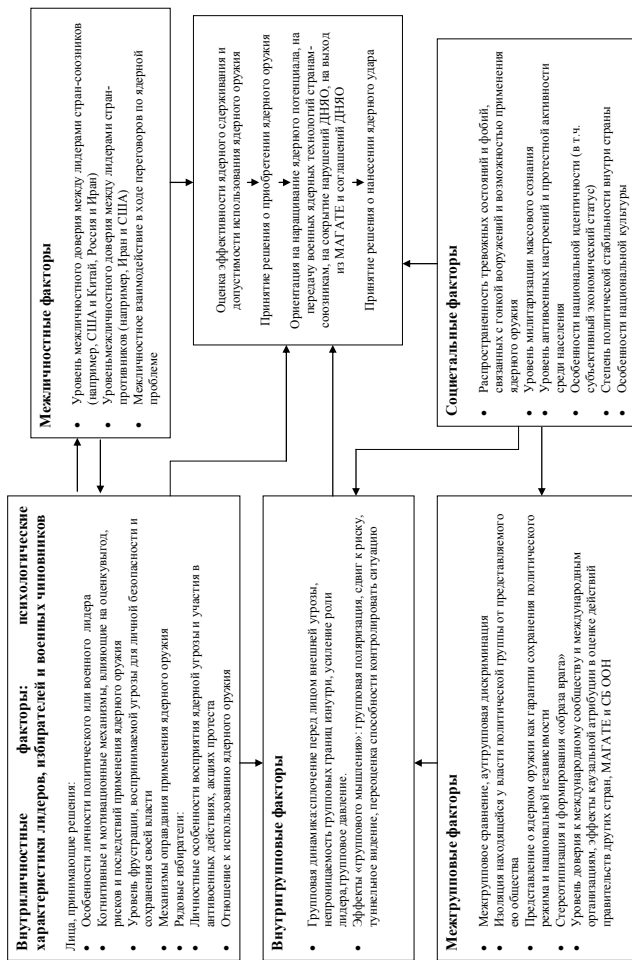

Рис. 1. Социально-психологические факторы гонки вооружений и ядерного сдерживания

принимающего решения. На принятии решений в условиях ядерного противостояния сказываются такие когнитивные эффекты, как сверхуверенность в правильности своего решения, фундаментальная атрибутивная ошибка, недооценка сделанных противником уступок (Tetlock et al., 1991).

Не менее существенными для международной безопасности и ядерного сдерживания могут быть личностные особенности отдельных политиков. Так, например, анализ противоречий в кругах американской политической элиты в 1898–1968 гг. показывает, что политики, характеризующиеся доминантностью в межличностных отношениях, были более склонны к решению политических и международных вопросов силовым путем, а экстраверты более склонны к поиску компромиссных решений, чем интроверты (Etheredge, 1978; Shepard, 1988). Влияние индивидуальных различий в разрешении конфликтов подтверждается и лабораторными экспериментами (Sternberg, Soriano, 1984).

***

Отметим несколько направлений, которые представляются нам особенно перспективными в теоретическом и прикладном аспектах.

Во-первых, это выявление социально-психологических особенностей лиц, принимающих геополитические решения, а также решения в области ядерного сдерживания, оценка возможного влияния этих особенностей на принятие стратегических решений как в ходе переговоров в кризисных ситуациях, так и при проведении международной политики в целом. Перспективными являются исследования, направленные на уточнение той роли, которую играют в принятии стратегических решений эмоциональные состояния, индивидуальные стратегии совладания со стрессом, интуиция, особенности личной и социальной идентичности.

Во-вторых, важной задачей является дальнейшее уточнение психологической специфики ведения пе-

реговоров по вопросам стратегической стабильности с другими международными субъектами этого процесса. Особенно перспективным в этой связи является изучение формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска. Также крайне мало изученным остается влияние кросс-культурных различий на ход переговоров о нераспространении и сокращении ядерного оружия. В частности, требует уточнения влияние на принятие решений в условиях эскалации ядерного противостояния таких культурных характеристик, как коллективизм, дистанция власти, избегание неопределенности, ориентация на долгосрочные отношения. В связи с ростом опасности ядерного терроризма не менее важным является изучение влияния этнокультурной идентичности и стремления ее сохранить на готовность к несимметричному ответу, когда ядерное оружие может использоваться как защита от заведомо более сильного противника, угрожающего интересам и ценностям той или иной этнической группы.

В-третьих, требует дальнейшей разработки проблема управления психологическими аспектами принятия групповых решений и специфики работы группы кризисного управления при выработке стратегических решений в области ядерного сдерживания. Несмотря на обилие литературы, посвященной групповому мышлению и защитным групповым механизмам, все еще недостаточно исследованными остаются факторы, влияющие на способность управленческой команды извлекать уроки из предшествующего опыта, анализировать отдаленные последствия стратегических решений. Также мало изученным является влияние социального окружения руководителя на его решения, в частности, структуры межличностных отношений, круга общения на восприятие противника и исходящую от него ядерную угрозу.

В-четвертых, большое теоретическое и прикладное значение имеет изучение социально-психологи-

ческих факторов, влияющих на отношение крупных социальных групп к ядерной угрозе, а также на оценку допустимости применения ядерного оружия в массовом сознании. Перспективными в этой связи являются исследования в области медиапсихологии, а также работы, посвященные коллективной памяти и социальным страхам.

ГЛАВА 4

Психологические особенности отношения личности и группы к ядерному противостоянию

С одной стороны, ядерное противостояние имеет психологические аспекты, характерные для межгрупповых конфликтов в целом. С другой стороны, оно обладает рядом специфических психологических особенностей, игнорирование которых может приводить к ошибочным стратегическим решениям.

Психологические особенности ядерного сдерживания. К универсальным психологическим механизмам, сближающим ядерное противостояние с другими видами конкуренции и конфликта, можно отнести механизмы эскалации межгрупповой напряженности:

- 1) межгрупповое восприятие (эффекты межгруппового сравнения, межгрупповой дискриминации, стереотипизации и обезличивания, формирования межгрупповых предрассудков и образа врага);
- 2) психологические особенности внутригрупповой динамики и принятия группового решения при наличии внешней угрозы (феномены «группового мышления», поляризации мнений, группового давления, роста влияния лидера на группу, размывания ответственности и сдвига к риску);
- 3) механизмы межличностного и межгруппового взаимодействия в процессе переговоров (например, особенности межличностного восприятия, харак-

терные для переговоров мотивационно-когнитивные искажения, различные виды, тактики и приемы социального влияния, а также формирование межличностного и межгруппового доверия).

С социально-психологической точки зрения ядерное противостояние имеет особенности, выделяющие его из ряда традиционных форм межгрупповой напряженности и влияющие на сотрудничество в области ядерного сдерживания и разоружения.

Взаимодействие «проигравший–проигравший». Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в основе ядерного противостояния лежит социальное взаимодействие «проигравший–проигравший», редко встречающееся в общественной жизни и малоизученное в социальной психологии.

Как известно, стратегии поведения в конфликте можно классифицировать с помощью пространства двух шкал: 1) ориентация на собственные интересы и 2) ориентация на интересы партнера (Pruitt, Rubin, 1986). Эта классификация позволяет выделить четыре основных типа взаимодействия: «выигравший–выигравший» (одним из вариантов которого является компромисс путем взаимных уступок), «выигравший–проигравший», «проигравший–выигравший» и «проигравший–проигравший». В повседневном опыте мирной жизни мы без труда найдем примеры всех стратегий, за исключением последней. Взаимодействие «проигравший–проигравший» возникает в тех исключительных случаях, когда другие варианты невозможны или не оставляют шансов на выживание. История войн, вооруженных столкновений и терактов изобилует примерами добровольного самопожертвования ради нанесения как можно большего урона врагу. Независимо от оценки этих действий как героических или бесчеловечных они оказываются весьма эффективным средством устрашения, направленного на деморализацию превосходящего в силе противника. Однако сценарий «проиграв-

ший–проигравший» в ядерном конфликте является крайним, практически не встречавшимся в истории вариантом стратегии. В войнах с применением обычного оружия героическая гибель имеет глубокий психологический смысл даже в тех случаях, когда идущие на смерть люди не надеются остаться в памяти потомков: они знают, что ценой своей жизни спасают жизни близких. Иными словами, они вступают во взаимодействие по типу «проигравший–проигравший» в рамках долгосрочной стратегии «проигравший–выигравший». В ядерной войне ситуация принципиально иная: здесь гибель одних членов сообщества не спасает остальных от быстрой смерти или долгого и мучительного вымирания.

Включение личности или социальной группы в данный тип взаимодействия влечет за собой два психологических эффекта, противоположных по своим последствиям: расширение диапазона допустимых методов воздействия и одновременно повышение догматизма и приверженности групповым ценностям.

С одной стороны, высокая вероятность необратимых потерь вплоть до физического уничтожения вызывает сужение временной перспективы, когда тщательный анализ долгосрочных последствий принимаемых решений теряет какой-либо практический смысл. Неизбежность тотального уничтожения психологически освобождает лиц, принимающих стратегические решения, от необходимости нести ответственность перед обществом и политической системой, большинство представителей которой обречены на гибель и не смогут воспользоваться какими-либо политическими и правовыми санкциями. Игнорирование групповых норм, а также стремление опередить противника существенно расширяют диапазон стратегий и тактик взаимодействия, признаваемых допустимыми и оправданными. Иными словами, при наличии высокой вероятности ядерного удара лица и группы, облеченные властью, могут пойти на силовые или дипломатические решения,

которые, даже не предполагая использования ядерного оружия, способны спровоцировать другую сторону. Этот же эффект может сказываться и на личном составе вооруженных сил, работниках спецслужб, сотрудниках дипломатического корпуса, не говоря уже о лицах, имеющих техническую возможность привести в действие оружие массового уничтожения.

Целенаправленно сформированная субъективная убежденность в высокой вероятности и неизбежности тотального уничтожения может привести к эскалации конфликта даже без реальных на то оснований.

С другой стороны, высокая вероятность личной смерти, как показывают эмпирические исследования, повышает догматичность личности и ее конформность, стремление следовать социальным нормам (Bassett, 2007). К психологическим защитным механизмам, которые запускаются при напоминании о смерти, например, в связи с терактами или другими неконтролируемыми человеком событиями, относятся стремление повысить свою самооценку, поддержка культурных норм, рост интрагруппового фаворитизма и аутигрупповой дискриминации, поиск и подчеркивание позитивной идентичности (Greenberg et al., 1986; Greenberg, 2008). Под влиянием этих психологических эффектов стремление сохранить позитивную социокультурную идентичность и следование той или иной идеологии могут снижать готовность сторон идти на компромиссы и даже подтолкнуть к иррациональным действиям. В частности, защита национальной культуры или религиозных ценностей может стать основанием для применения ядерного оружия против отдельного государства, этнической группы или цивилизации. Тем не менее самоидентификация с более крупной социальной общностью, например, человечеством, характерная для личности или целенаправленно сформированная, может изменить воздействие перечисленных нами защитных механизмов и способствовать просоциальному поведению в интересах международной безопасности.

Виртуальность ядерной угрозы. Еще одной психологической особенностью ядерного противостояния является *виртуальность ядерной угрозы*: отсутствие случаев применения ядерного оружия (кроме Хиросимы и Нагасаки), ореол засекреченности вокруг его испытаний, а также затрудненность международного контроля за его созданием и распространением, превращают ядерный потенциал в реальную, но неосязаемую угрозу. И хотя скрыть производство ядерного оружия и подлинную мощность зарядов сегодня крайне трудно, оценка масштабов угрозы по-прежнему относительно легко манипулировать. С одной стороны, неосязаемость ядерного потенциала повышает роль психологических факторов при принятии стратегических решений. С другой стороны, она открывает возможность для манипулирования массовым сознанием, т. е. для преуменьшения или, наоборот, преувеличения ядерной угрозы, как это было в случае вторжения США в Ирак.

Виртуальность ядерной угрозы повышает зависимость оценки ситуации от различного рода когнитивных эвристик, личностных черт и эмоционального состояния лиц, принимающих решения.

Специфика феноменов доверия и риска. Важной особенностью ядерного сдерживания и стратегической безопасности в целом является тот факт, что они основаны на особом типе *доверия*, а не на уверенности. Если уверенность предполагает защищенность, независимость и возможность предсказания контроля за действиями друг друга, исходя из совокупности объективных факторов, то доверие связано с уязвимостью одной или обеих сторон. Еще одна отличительная черта доверия состоит в том, что оно лично: мы можем быть уверены в безличной политической системе, но субъективно доверяем людям или социальным группам с их мотивами и свободой волей.

Разрушительность ядерного оружия и фатальность последствий «ядерной зимы» для мировой цивилизации, все более изоциренные и доступные способы его

доставки на территорию противника, а также расширение клуба ядерных держав сделали всех субъектов международных отношений уязвимыми и взаимозависимыми.

С психологической точки зрения стратегическая стабильность основана на доверии по расчету, т. е. на ожидании, что другая сторона не считает для себя выгодным нанесение первого ядерного удара, даже если ее действия невозможно проконтролировать. Особенностью доверия как психологического феномена является переживание уязвимости и невозможности контроля за действиями другой личности или группы. Такая уязвимость связана с высокой неопределенностью возможности нанесения ракетно-ядерного удара, способного поразить имеющийся ядерный потенциал противника до уровня, не позволяющего ему нанести адекватный ответный удар. Невозможность снизить степень неопределенности до достаточного уровня с обеих сторон имеет важные последствия для достижения стратегической стабильности и соответствующей аргументации в ходе стратегических переговоров.

Особенно важно учитывать тот факт, что межличностное и межгрупповое доверие по поводу ядерных вопросов *формируется в условиях постоянно колеблющегося уровня субъективного риска*. Исследования в области психологии доверия показывают, что с ростом уровня риска критерии доверия могут меняться (Нестик, Изюмова, 2005; Журавлев, Нестик, Соснин, 2005; Изюмова, 2009). Можно предположить, что в критической ситуации, т. е. при высокой вероятности нанесения ядерного удара, готовность сторон доверять друг другу будет зависеть от других критериев, чем в ходе переговоров с низким и средним уровнем риска (например, по поводу ядерных программ Ирана и Северной Кореи). Критерии и уровень доверия при разных степенях субъективного риска являются психологическим содержанием так называемого «динамического диапазона» (или запаса устойчивости). Как известно, «наличие такого диапазо-

на, понимание его масштабов создают весьма важные условия для маневра на переговорах... для выработки умелых и гибких подходов к формулировкам договоренностей» (Кокошин, 2009, с. 64).

Доверие сторон друг к другу и субъективный уровень риска являются психологическими факторами повышения сторонами «порогов» своей готовности к нанесению ядерного удара другой стороне для демонстрации своих намерений в политико-военном противостоянии в ходе международного политического кризиса вплоть до момента, когда одна из них начинает рассматривать практическую возможность применения ядерного оружия (Кокошин, 2009, с. 4, 87). Примером реализации такой стратегии является динамика противостояния между СССР и США в ходе Карибского кризиса в октябре 1962 г. (Микоян, 2006).

Уровень субъективного риска может влиять и на оценку сторонами масштабов приемлемого ущерба, допустимости использования того или иного вида стратегического оружия, выбор мишеней для нанесения удара. Все это делает задачу изучения зависимости доверия и особенностей восприятия ситуации от субъективного уровня риска одним из важных и перспективных направлений в психологии ядерного противостояния.

Наконец, психологическая специфика ядерного противостояния определяется, помимо прочего, высокой *зависимостью стратегических решений от психологических особенностей политических лидеров*. Если вопросы ядерного разоружения и контроля за распространением ядерного оружия находятся под влиянием довольно большого числа политических институтов, то принятие решения о нанесении ядерного удара в кризисной ситуации является прерогативой крайне ограниченной группы людей. Следует учитывать и подверженность первых лиц влиянию со стороны своего ближайшего окружения, людей, психологические характеристики которых могут иметь важное значение. Не случайно Г. Аллисон, обосновывая свою теорию бюрократического приня-

тия решений, приходит к выводу о том, что политика национальной безопасности США определяется организационными процедурами и интересами различных административных лиц, а не рациональным выбором и целями президентов (Allison, 1971).

К таким лицам относятся руководители силовых структур, начальник Генштаба и ряд его заместителей, различного ранга помощники и советники: «Многие из них формально не имеют отношения к политико-военным проблемам, особенно ядерным, но на деле могут в кризисной обстановке, как учит опыт истории, иметь не меньшее влияние, чем те, кому положено по должности готовить решения высшего руководства и обеспечивать его реализацию» (Кокошин, 2003, с. 6). С одной стороны, это лишний раз подтверждает общепризнанную роль межличностных отношений в малой группе, процессов внутригрупповой динамики и особенностей группового принятия решений. С другой стороны, это указывает на значимость структурных и содержательных аспектов социальной сети межличностных контактов, пронизывающих коридоры власти и выходящих далеко за пределы правительства. В критической ситуации судьба мира может зависеть от способности управленческой команды быстро найти необходимых экспертов, т. е. от личных знакомств, часто неформальных связей.

Социально-психологические детерминанты отношения к ядерной угрозе: результаты эмпирического исследования. С целью изучения отношения личности к угрозе ядерной войны Т. А. Нестик провел два поисковых исследования. Первое исследование – среди жителей г. Москвы разных возрастных групп было направлено на определение места угрозы ядерной войны в ряду представлений о других глобальных угрозах. Второе исследование – среди студентов московских вузов было направлено на выявление типов отношения к ядерной угрозе, а также психологических факторов оценки

ее значимости, вероятности и допустимости применения ядерного оружия*.

Участниками первого исследования стали 750 жителей г. Москвы в возрасте от 17 до 62 лет (38% мужчины, 62% женщины; 80% выборки составили студенты московских вузов, средний возраст – 24 года). Мы предложили нашим респондентам оценить значимость 29 рисков, выявленных экспертами Глобального экономического форума в 2016 г. (The Global Risks Report, 2016). Как следует из отчета, эксперты считают угрозу ядерной войны одним из трех наиболее значимых глобальных рисков наряду с изменением климата и вынужденной миграцией.

По данным нашего опроса, в массовом сознании наибольшую тревогу вызывают пять глобальных рисков: 1) масштабные террористические атаки, 2) крах государства (гражданская война, военный переворот и т. п.), 3) рост безработицы, 4) международные конфликты, а также 5) экологические риски, связанные с разрушением экосистемы и вымиранием различных видов животных и растений (см. таблицу 1). Заметим, что внимание массового сознания привлечено, прежде всего, к тем проблемам, которые широко обсуждаются в СМИ. Нам свойственно переоценивать маловероятные риски, если мы столкнулись с наглядными примерами в своем или чужом опыте. Наоборот, гораздо более вероятные риски недооцениваются, если они описываются абстрактными прогнозами (Weber, 2006; Smith, Leiserowitz, 2014). Это подтверждают результаты проведенного нами анкетирования. Характерно, что риски, признанные экспертами наиболее существенными, для наших респондентов находятся на последнем месте по значимости. Так, глобальное потепление, признанное экспертами риском № 1 в 2016 г., в нашем рейтинге

---

* Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных А. Ю. Гюлюмян, Л. А. Журавлевой, Е. О. Петровой, Г. М. Самойлову и В. А. Сумароковой.

Таблица 1
 Значимость глобальных рисков для жителей
 г. Москвы (N=754)

Глобальные риски	Значимость
Масштабная террористическая атака	3,9
Крах государства (гражданская война, военный переворот и т. п.)	3,8
Рост безработицы	3,7
Международные конфликты	3,7
Вымирание различных видов животных и растений, разрушение экосистемы	3,6
Техногенные экологические катастрофы (загрязнение окружающей среды радиоактивными выбросами, разливами нефти и т. п.)	3,6
Эпидемии инфекционных заболеваний	3,6
Резкое изменение цен на энергоресурсы	3,5
Ослабление государственного управления (коррупция, нарушение верховенства закона, политические кризисы)	3,5
Оружие массового уничтожения (ядерное, химическое, биологическое)	3,4
Нехватка питьевой воды	3,4
Социальная нестабильность (протестные движения, массовые беспорядки)	3,3
Массовая вынужденная миграция населения	3,3
Голод	3,3
Кризисы, вызванные ростом государственного долга	3,2
Неуправляемая инфляция	3,1
Инфраструктурный кризис (выход из строя дорог, трубопроводов и т. п.)	3,1
Дефляция (укрепление национальной валюты, приводящее к падению цен и росту безработицы)	3,1
Крах мировой финансовой системы	3,1
Экстремальные явления погоды (наводнения, ураганы, засухи и т. п.)	3,1

Глобальные риски	Значимость
Крупные природные катастрофы (землетрясения, цунами и т. п.)	3,1
Финансовые «пузыри» в экономике (обрушение необоснованно завышенных цен на акции, недвижимость и т. п.)	3,0
Массовая кража личных или государственных данных в интернете	3,0
Плохо спланированное развитие городов	3,0
Выведение из строя электронных средств связи и жизненно важных автоматизированных систем (спутников связи, цифрового оборудования и т. п.)	3,0
Незаконная торговля (нелегальные финансовые потоки, уход от налогов, торговля людьми, организованная преступность и т. п.)	3,0
Непредвиденные последствия развития технологий (геномная инженерия, искусственный интеллект, нанотехнологии и т. п.)	2,8
Глобальное потепление	2,8
Масштабные интернет-атаки	2,6

оказалось на 28-м месте. А риск применения ядерного оружия занял лишь 10-е место.

Риск ядерной войны не только не входит в число наиболее значимых угроз, но и признается респондентами относительно маловероятным. В рамках проведенного нами исследования части респондентов (N=573) было предложено оценить вероятность четырех сценариев развития мира до 2030 г., разработанных экспертами Всемирного экономического форума (The Global Risks Report, 2016). Наиболее вероятными сценариями участники считают умеренно оптимистические (см. таблицу 3). Самый вероятный сценарий «Сильные регионы» напоминает сложившуюся геополитическую ситуацию: сильные национальные государства наращивают свое влияние, создавая политические и экономические союзы с соседями; политические лидеры

получают поддержку граждан, гарантируя им безопасность в обмен на отказ от целого ряда свобод и наращивание систем тотального контроля. Как наименее вероятный был оценен наиболее пессимистический сценарий – «Ядерная катастрофа», при котором конкуренция между группами стран и рост терроризма приводят к ядерной войне. Наиболее вероятным его считают 15% опрошенных, тогда как наименее вероятным – 39%.

Таблица 2
Оценка вероятности ядерной войны
как одного из сценариев мирового развития
в ближайшие 15 лет (N=573)

Сценарии	Ранг по вероятности*
« Сильные регионы ». Сильные национальные государства наращивают свое влияние, создавая политические и экономические союзы с соседями. Политические лидеры получают поддержку граждан, гарантируя им безопасность в обмен на отказ от целого ряда свобод и наращивание систем тотального контроля	2,11
« Столкновение ». Конкуренция между региональными союзами приводит к крупному военному конфликту с использованием обычных вооружений. Стороны останавливаются за один шаг от применения ядерного оружия, но к этому моменту успевают нанести друг другу серьезный урон	2,29
« Города, разделенные стенами ». Наиболее состоятельные и благополучные жители отгораживаются от беднеющего большинства, которое лишено поддержки слабеющего государства, оторвано от культурных корней и радикализировано	2,80
« Ядерная катастрофа ». Конкуренция между группами стран и рост терроризма приводят к ядерной войне	2,89

Примечание: * – респондентам было предложено проранжировать четыре сценария: 1 – наиболее вероятный, 4 – наименее вероятный.

Эти данные подтверждают уже известную психологическую закономерность: мы склонны недооценивать вероятность и значимость тех угроз, которые отсутствуют в нашем жизненном опыте, носят абстрактный характер и не поддаются контролю. Напротив, мы склонны переоценивать угрозы, которые подтверждаются конкретными и зримыми примерами и которые обсуждаются в СМИ и социальных медиа (Slovic, 2013).

Наше второе исследование проводилось в 2012 и 2016 гг. среди студентов гуманитарных факультетов вузов г. Москвы (2012 г.: N=200, 32% – мужчины, 68% – женщины, средний возраст – 20,4 лет; 2016 г.: N=385, 38% – мужчины, 62% – женщины, средний возраст – 20,5 лет). Для выявления влияния информированности об опасности ядерного излучения и международных отношениях на отношение к ядерной угрозе в 2016 г. нами также была опрошена группа студентов старших курсов физико-технического факультета Национального ядерного университета «МИФИ» (N=48; 69% – мужчины, 31% – женщины; средний возраст – 21,2 года). В общей сложности участниками исследования стали 633 студента.

Для выявления отношения к ядерной угрозе мы использовали адаптированную нами шкалу «Опросник отношения к ядерным проблемам» М. Ньюкомба (Newcomb, 1986), включающую такие субшкалы: «Озабоченность угрозой ядерной войны» (N=632, 3 пункта, α Кронбаха=0,711; M=3,00; SD=1,09), «Страх перед ядерной войной» (N=632, 2 пункта, α Кронбаха=0,695; M=1,74; SD=0,960); «Поддержка развития ядерной энергетики» (N=632, 4 пункта, α Кронбаха=0,580; M=2,76; SD=0,831). Также использовалась адаптированная нами методика «Ядерные ориентации» (Nuclear Orientation Questionnaire, NOQ), позволяющая оценить отношение к ядерным проблемам в контексте общего мировоззрения личности (Hamilton et al., 1986). Методика состоит из 10 пунктов, согласие с которыми предлагается оценить по 5-балльной шкале Лайкерта (например: «Ядерную войну можно предотвратить, если пропорциональ-

но наращивать арсенал оружия массового уничтожения и поддерживать баланс сил», «Ядерную войну можно пережить, если подготовиться к ней заранее: обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т. п.», «Ядерную войну можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительство к действиям», «Мы не можем предотвратить угрозу глобальной катастрофы, поэтому нужно успеть сделать как можно больше для окружающих нас людей и человечества» и т. п.).

Для оценки допустимости применения ядерного оружия была разработана шкала из 4 утверждений (например: «Использование ядерного оружия не может быть оправдано ни при каких обстоятельствах», «Если существует угроза национальной безопасности, правительство имеет право пойти на применение ядерного оружия» и др.), согласие с которыми респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале ($N=464$, а Кронбаха= $0,707$; $M=2,34$; $SD=0,999$).

Для измерения индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик личности нами использовались «Самооценка уровня личностной тревожности» Ч. Спилберга в адаптации Ю. Л. Ханина, «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леонга, «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна в адаптации Т. А. Нестика (2015) и «Стенфордский опросник временной перспективы» (ZTPI) Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О. В. Митиной.

Также в 2012 г. на части выборки ($N=75$, $N=134$) нами также использовались методики «Шкала авторитаризма правого толка» Б. Альтмейера», тест «Стили поведения в конфликте» К. Томаса в адаптации Н. В. Гришиной и методика «Тактики поведения в ситуации ядерного конфликта при повторении Карибского кризиса».

В ходе исследования мы сформулировали и проверили несколько предположений, опирающихся на проведенный ранее теоретический анализ (Журавлев, Соснин, Нестик, 2011; Нестик, 2016).

Во-первых, мы предположили, что существует несколько типов отношения к ядерной угрозе, которые могут быть выделены на основе оценки управляемости данного риска, а также ориентации на коллективные действия для его предотвращения.

Было выдвинуто предположение о том, что озабоченность ядерной угрозой связана с рядом личностных характеристик (личностной тревожностью, позитивной оценкой прошлого и ориентацией на будущее, протяженностью временной перспективы, ориентацией на гармонию в отношениях и религиозностью).

Во-вторых, мы предположили, что чем менее понятной является ядерная угроза, чем менее информированы о ней участники исследования, тем больше вера в невозможность ее предотвращения и готовность к радикальным мерам.

В-третьих, мы выдвинули гипотезу о том, что оценка вероятности ядерной войны и оправданность применения ядерного оружия прямо связаны с фатализмом и недоверием по отношению к социальным институтам. А озабоченность ядерной угрозой и ориентация на ее предотвращение связаны с оптимизмом, позитивным отношением к собственному прошлому и ориентацией на будущее.

В-четвертых, было выдвинуто предположение, что поддержка гонки вооружений и нанесения опережающего ядерного удара прямо связаны с авторитаризмом и выраженностью гражданской идентичности (значимостью принадлежности к гражданам российского государства).

Кроме того, мы ожидали, что международная изоляция России в 2014–2016 гг. может привести к оправданию нанесения превентивного удара, росту поддержки гонки ядерных вооружений и повышению иллюзии возможности выжить в ядерной катастрофе.

Кластерный анализ методом к-средних позволил выявить несколько типов отношения к ядерной угрозе, различающихся, прежде всего, по оценкам управляемости этого риска и выраженности просоциальной ориентации (таблица 3).

Таблица 3

Социально-психологические типы отношения к угрозе ядерной войны

Типы отношения	1. Альтернативные фактальные талисты (N=73)	2. Алармисты (N=95)	3. Выживальщики-ликвидаторы (N=62)	4. Гедонистические фактальные талисты (N=62)	5. Реалистические фактальные талисты (N=115)	6. Романтики (N=75)	7. Сторонники разоружения (N=87)
В случае ядерного кризиса государственные лидеры будут действовать рационально и в интересах всего человечества, они не допустят войны	2,38	3,39	3,24	2,53	2,99	3,89	2,48
Учитывая возможность глобальной катастрофы, нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие	3,26	3,48	4,31	4,19	3,34	3,09	2,09
Мы не можем ничего сделать с угрозой глобальной катастрофы и сами ее вряд ли переживем. Будут огромные жертвы, но кто-то из людей выживет, и жизнь будет продолжаться	4,03	4,07	3,97	2,26	3,31	1,63	1,75
Ядерную войну можно предотвратить, если пропорционально наращивать арсенал оружия массового уничтожения и поддерживать баланс сил	3,3	2,76	3,56	2,19	2,52	3,32	1,93

Мы не можем предотвратить угрозу глобальной катастрофы, поэтому нужно успеть сделать как можно больше для окружающих нас людей и человечества	4,1	3,03	3,77	3,58	3,52	1,67	2,1
Ядерную войну и другие глобальные катастрофы можно предотвратить, если объединить ответственность и подталкивать правительства к действиям	2,11	4,38	3,58	2,31	3,37	4,23	3,97
Все в руках Божьих: если суждено быть катастрофе, только от него зависит ее исход	1,78	1,24	2,98	1,19	4,06	1,67	1,69
Лучший способ предотвратить ядерный удар – нанести его первыми. Нужно уничтожить потенциалного агрессора, чтобы обеспечить всем остальным мир и стабильность	1,47	1,37	3,95	1,71	1,75	1,37	1,4
Глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее (обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т. п.)	3,21	3,76	4,21	2,27	3,08	3,61	2,18

К первому кластеру «альтруистические фаталисты» (13%) были отнесены респонденты, которые считают, что ядерная война неизбежна, хотя и не приведет к исчезновению человеческого рода, а поскольку им лично пережить ее не удастся, нужно успеть сделать как можно больше для окружающих людей и человечества. Для них характерен низкий уровень социального цинизма и высокая ориентация на гармонию в отношениях с людьми. По сравнению с другими типами они меньше всего озабочены глобальными рисками, не склонны отождествлять себя с широкими социальными категориями людей, а принадлежность к гражданам России чаще вызывает у них негативные чувства – равнодушие, стыд и унижение.

Во второй кластер «алармисты» (17%) вошли участники исследования, считающие, что пережить ядерную катастрофу невозможно, но можно предотвратить ее, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям. Для них характерна относительно высокая степень информированности о проблемах ядерного сдерживания, высокая оценка вероятности ядерной катастрофы, высокая ориентация на гармонию в отношениях с людьми и озабоченность большим числом других глобальных рисков (социальными, техногенными и т. д.).

Третий кластер «выживальщики-ликвидаторы» (11%) объединил респондентов, которые считают, что ядерную войну вполне можно пережить, если заранее к ней подготовиться и что лучший способ предотвратить ядерный удар – нанести его первыми. По сравнению с другими типами «выживальщики-ликвидаторы» характеризуются высокой ориентацией на будущее, самым высоким показателем «социального цинизма», т. е. не склонны доверять политикам и социальным институтам. При этом они сильнее других отождествляют себя с категорией «россияне», позитивнее оценивают будущее России и больше других убеждены в предопределенности судьбы. Также они ниже других оценивают

свою информированность о проблемах ядерного сдерживания в международных отношениях, но более уверены в допустимости применения ядерного оружия.

К четвертому кластеру «гедонистические фаталисты» (11%) были отнесены участники исследования, считающие, что ввиду возможной глобальной катастрофы нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие. По сравнению с другими типами они мало озабочены глобальными рисками и меньше всех ориентированы на гармонию в отношениях с людьми. Как и «Альтруистические фаталисты», они мало ориентированы на будущее.

В пятый кластер «религиозные фаталисты» (20%) были объединены респонденты, считающие, что ядерный апокалипсис и его исход целиком зависят от воли Бога. По сравнению с другими типами «религиозные фаталисты» в большей степени ориентированы на фаталистическое настоящее, считают, что будущее predetermined. Они характеризуются высокой религиозностью и низким социальным цинизмом.

Шестой кластер «романтики» (13%) объединяет респондентов, уверенных, что государственные лидеры не допустят ядерной войны, так как будут действовать рационально и в интересах всего человечества. Романтики также верят в возможность воздействия на правительства через общественные инициативы. При этом именно «романтики» ниже всего оценивают вероятность ядерной войны и менее других ее опасаются. По сравнению с другими группами для них характерна наиболее сильная идентификация себя с широкими социальными категориями («единомышленники», «люди своей национальности», «люди своей религии», «человечество»). Среди всех групп у «романтиков» наиболее позитивная гражданская идентичность: мысли о своей принадлежности к россиянам у них вызывают чувства гордости и уверенности.

Наконец, в седьмой кластер «сторонники разоружения» (15%) вошли респонденты, считающие, что ядерную

Таблица 4

Социально-психологические характеристики типов отношения к угрозе ядерной войны

Типы отношения к ядерной угрозе	1. Альтруистические фаталисты (N=73)	2. Алармисты (N=95)	3. Выживальщико-элиминационисты (N=62)	4. Гедонистические фаталисты (N=62)	5. Революционные фаталисты (N=115)	6. Романтики (N=75)	7. Стронники разоружения (N=87)	Значимость различий по тесту Кресту-Келла-Уоллиса
Отождествление себя с категорией «Единомышленниками»	4,2	4,3	4,0	4,3	3,9	4,5	4,2	0,002
Отождествление себя с категорией «Люди Вашей национальности»	3,0	3,2	3,7	3,6	3,3	3,9	3,2	0,005
Отождествление себя с категорией «Люди Вашей религии»	3,3	3,5	3,6	3,9	3,5	4,1	3,5	0,042
Отождествление себя с категорией «Человечество»	3,2	3,5	3,5	3,6	3,2	4,1	3,4	0,035
Отождествление себя с категорией «Россияне»	3,1	3,1	3,8	3,4	3,3	3,7	3,0	0,006
Отождествление себя с категорией «Европейцы»	2,9	3,2	3,3	3,3	3,0	3,8	3,3	0,027

Отождествление себя с категорией «Советские люди»	2,9	2,9	3,2	2,8	3,0	3,7	2,8	0,009
Отождествление себя с категорией «Горожане»	3,4	3,6	3,7	3,4	3,3	4,1	3,4	0,051
Фаталистическое настоящее	2,2	2,2	2,6	2,3	2,7	2,0	2,1	0,001
Гедонистическое настоящее	3,7	3,6	3,9	3,7	3,7	3,5	3,3	0,001
Будущее	3,4	3,7	3,8	3,4	3,6	3,7	3,5	0,044
Социальный цинизм	3,0	3,2	3,4	3,1	3,0	2,9	3,0	0,001
Награда за усилия	3,7	3,7	3,8	3,5	3,7	3,8	3,6	0,008
Контроль судьбы	2,7	2,8	3,1	2,7	3,0	2,7	2,6	0,001
Гармония	3,9	3,9	3,8	3,6	3,8	3,9	3,7	0,051
Религиозность	2,9	2,8	3,0	2,7	3,3	3,0	2,8	0,001
Оценка собственной информированности о проблемах ядерного оружия в международных отношениях	2,4	2,8	2,3	2,4	2,4	2,6	2,7	0,04
Страх перед ядерной катастрофой	2,1	2,0	2,4	2,1	2,2	1,9	2,2	0,006
Вероятность сценария ядерной катастрофы*	2,1	2,2	2,4	1,9	2,0	1,7	2,1	0,016

Продолжение таблицы 4

	1. Аль- трустиче- ские фа- листы (N=73)	2. Алар- мисты (N=95)	3. Вы- живаль- щики- элими- нацио- нисты (N=62)	4. Гедо- нистиче- ские фа- листы (N=62)	5. Ре- лиги- озные фа- листы (N=115)	6. Ро- ман- тики (N=75)	7. Сто- рон- ники разору- жения (N=87)	Значи- мость различий по тес- ту Крас- кела- Уоллиса
Типы отношения к ядерной угрозе								
Число высоко значимых глобальных рисков	5,7	12,0	9,6	7,9	10,4	11,9	10,3	0,001
Число социальных катего- рий, с которыми идентифи- цирует себя респондент	3,2	4,8	4,6	4,2	5,0	5,0	3,7	0,005
Позитивная оценка будуще- го России	4,0	4,1	4,4	3,6	4,2	4,1	3,8	0,018
Невозможность влиять на будущее России	4,1	3,9	4,0	4,4	4,2	4,0	3,7	0,049
Оправданность применения ядерного оружия	2,6	2,4	3,0	2,4	2,4	2,2	2,1	0,001
Позитивные чувства в связи принадлежностью к гражда- нам России	3,1	3,6	3,8	3,5	3,8	3,9	3,6	0,029

Примечание: * – перевернутая шкала с рангами 1 – наименее вероятно, 4 – наиболее вероятно.

войну можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям. Наряду с «алармистами» «сторонники разоружения» наиболее высоко оценивают свою информированность о проблемах ядерного сдерживания в международных отношениях. По сравнению с другими типами отношения к ядерной угрозе для «сторонников разоружения» характерна наибольшая уверенность в своей способности влиять на свою судьбу и будущее России, а также мнение о том, что применение ядерного оружия нельзя оправдать никакими обстоятельствами.

В целом анализ выделенных нами типов отношения к ядерной угрозе показывает, что фатализм и недоверие по отношению к социальным институтам связаны с признанием допустимости применения ядерного оружия. Ориентация на активные действия по предотвращению ядерной катастрофы связана с уверенностью в способности влиять на будущее, социальным доверием, идентификацией себя с широкими социальными категориями и позитивной гражданской идентичностью.

Полученные данные указывают на то, что потеря уверенности в социальной стабильности, снижение доверия к другим людям, нарастание апокалиптических настроений могут запустить в обществе «спираль» поддержки радикальных мер, повышают число сторонников использования ядерного оружия для защиты позитивной национальной идентичности. Ксенофобия и вера в предопределенность судьбы могут быть использованы политиками для обеспечения поддержки обществом решения о нанесении упреждающего ядерного удара.

Низкое социальное доверие и фатализм повышают оценку личностью вероятности ядерного конфликта. Проведенный нами линейный регрессионный анализ ($N=503$, $F=4,19$; $p=0,002$; $R^2=0,392$) показал, что оценка вероятности ядерной войны в ближайшие 10 лет прямо зависит от идентификации респондентами себя с категорией «европейцы» ($\beta=0,287$), значимости будущего России ($\beta=0,387$), уровня социального цинизма ($\beta=0,277$),

веры в предопределенность судьбы ($\beta=0,373$) и отрицательно связана с уровнем доверия к людям ($\beta=-0,322$) и верой в справедливость мира как наградой за усилия ($\beta=-0,330$).

В условиях вероятного ядерного конфликта общественную поддержку безответственных стратегических решений тем легче обеспечить, чем меньше люди знают о природе ядерной угрозы и способах ее предотвращения. Корреляционный анализ по критерию Спирмена показал, что чем ниже информированность о проблемах ядерного сдерживания, тем более респонденты склонны верить в неуправляемость ядерных рисков, менее готовы лично участвовать в предотвращении глобальной катастрофы и больше поддерживают упреждающий ядерный удар (таблица 5).

По-видимому, этот результат может объясняться эффектом когнитивного диссонанса: если мы не понимаем, как «устроен» механизм эскалации риска, и считаем, что не можем никак повлиять на его вероятность, то стараемся не думать о таком риске, приуменьшаем его значимость (Festinger, 1957). Связь между низкой информированностью и поддержкой превентивного удара подтверждает, что эффект когнитивного диссонанса может препятствовать адекватному восприятию последствий ядерного удара, вести к упрощенным решениям, снижающим национальную и глобальную стратегическую безопасность.

Очевидно, что субъективная оценка респондентами своей информированности о проблемах ядерного сдерживания не является надежным критерием и может быть завышена, поэтому мы выбрали три группы студентов, чья специализация влияет на информированность о проблемах ядерного сдерживания и стратегической безопасности: международные отношения, психология и ядерная физика (таблица 6). Оказалось, что наиболее информированные студенты-международники меньше других склонны считать превентивный ядерный удар способом избежать катастрофы и наиме-

Таблица 5

Связь отношения к ядерной угрозе и информированности о проблемах ядерного сдерживания

Тип отношения к ядерной угрозе	Субъективная оценка своей информированности о проблемах ядерного сдерживания в международных отношениях
Озабоченность риском применения ядерного оружия	0,152***
России следует оказывать помощь другим странам в строительстве атомных электростанций	0,184***
Мне было бы страшно жить в 10 километрах от атомной станции	-0,124**
Все в руках Божьих: если суждено быть катастрофе, только от него зависит ее исход	-0,185***
Лучший способ предотвратить ядерный удар – нанести его первыми. Нужно уничтожить потенциального агрессора, чтобы обеспечить всем остальным мир и стабильность	-0,130**
Я готов своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф	0,160***

Примечание: *** – $p < 0,001$; ** – $p < 0,01$.

Таблица 6

Отношение к ядерной угрозе у студентов-международников, студентов-психологов и студентов физико-технических специальностей

Тип отношения к ядерной угрозе	Междуна- родные от- ношения (N=46)	Психология (N=189)	Физико-тех- нические специаь- ности (N=48)	Значимость раз- личий по крите- рию Краскела- Уоллиса
Озабоченность риском применения оружия массового уничтожения (ядерного, химического, биологического)	3,58	3,77	3,15	0,01
Все в руках Божьих: если суждено быть катастрофе, только от него зависит ее исход	1,94	3,07	1,75	0,006
Лучший способ предотвратить ядерный удар – нанести его первыми. Нужно уничтожить потенциального агрессора, чтобы обеспечить всем остальным мир и стабильность	1,36	2,27	2,04	0,02
Поддержка развития ядерной энергетики	3,36	2,90	3,80	0,001
Общая значимость глобальных рисков	3,33	3,51	3,17	0,002
Вероятность того, что в ближайшие 10 лет будет ядерная война	1,47	1,59	1,66	0,015
Вероятность сценария глобальной ядерной катастрофы (средний ранг) *	3,29	2,80	2,78	0,012

Примечание: * 1 – наибольшая вероятность, 4 – наименьшая вероятность.

нее высоко оценивают вероятность глобальной ядерной войны. Менее информированные студенты-психологи ниже всего оценивают возможность влияния на вероятность и исход ядерной войны, при этом именно они более всего озабочены ядерной угрозой и готовы поддерживать возможность превентивного ядерного удара.

На основе полученных данных можно сделать предположение о том, что чем менее понятна угроза и чем меньше известно о способах ее предотвращения, тем более радикальные способы ее предотвращения считаются допустимыми. С другой стороны, информированность о развитии международных отношений может приводить к снижению оценки вероятности ядерной войны и переоценке рациональности поведения людей, принимающих стратегические решения.

Мы предполагали, что международная изоляция России в 2014–2016 гг. приведет к росту поддержки нанесения превентивного удара, гонки ядерных вооружений и иллюзии возможности выжить в ядерной катастрофе. Для того чтобы проверить эту гипотезу, мы уравнивали выборки студентов по полу и возрасту с помощью процедуры перевешивания. Как видно из приведенных в таблице 7 результатов анализа значимых различий, гипотеза подтвердилась лишь частично. Действительно, по сравнению с 2012 г. в 2016 г. студенты более склонны считать применение ядерного оружия допустимым. Однако при этом респонденты 2016 г. значительно ниже оценивают вероятность и неизбежность ядерной войны, более оптимистически оценивают способность политических лидеров действовать рационально и в интересах человечества, более высоко оценивают свою информированность о проблемах ядерного оружия. Динамика изменений социально-психологических характеристик носит противоречивый характер: с одной стороны, выросло число социальных категорий, с которыми идентифицируют себя респонденты, с другой – снизилось доверие к людям. Выросли позитивная оценка своего прошлого и убежденность студентов в способ-

Таблица 7

Отношение к ядерной угрозе у московских студентов в 2012 и 2016 гг.

Тип отношения к ядерной угрозе	2012 г. (N=200, 50% – мужчины; 50%-женщины, 20 лет)	2016 г. (N=425, 50% – мужчины; 50%-женщины, 20 лет)	Значимость различий по критерию Манна-Уитни
Оправданность применения ядерного оружия	2,1	2,4	0,042
Вероятность того, что в ближайшие 10 лет будет ядерная война	2,1	1,9	0,002
Поддержка развития ядерной энергетики	2,7	2,9	0,003
В случае ядерного кризиса государственные лидеры будут действовать рационально и в интересах всего человечества, они не допустят войны.	2,7	3,1	< 0,001
Все в руках Божьих: если суждено быть катастрофе, только от него зависит ее исход	2,4	2,1	0,012
Мы не можем ничего сделать с угрозой глобальной катастрофы и сами ее вряд ли переживем	3,3	2,9	0,006
Мы не можем предотвратить угрозу глобальной катастрофы, поэтому нужно успеть сделать как можно больше для окружающих нас людей и человечества	4,1	2,8	< 0,001

Ядерную войну и другие глобальные катастрофы можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям	2,9	3,7	< 0,001
Оценка собственной информированности о проблемах ядерного оружия в международных отношениях	2,3	2,6	0,001
Негативное прошлое	2,8	3,0	0,012
Гедонистическое настоящее	3,8	3,5	< 0,001
Будущее	3,5	3,7	0,001
Протяженность временной перспективы	6,8	7,2	0,023
Контроль судьбы	2,9	2,8	0,044
Религиозность	3,1	2,9	0,026
Позитивные чувства в связи принадлежностью к гражданам России	3,0	3,8	< 0,001
Склонность задумываться о долгосрочном будущем России	5,8	5,6	0,021
Доверие к людям	2,8	2,5	< 0,001
Отождествление себя с категорией «Люди Вашего возраста».	3,1	3,2	0,05
Число социальных категорий, с которыми себя идентифицирует респондент	3,6	5,0	< 0,001

ности влиять на свое будущее, ориентация на планирование будущего и протяженность индивидуальной временной перспективы. При этом существенно повысилась выраженность позитивных чувств в связи с принадлежностью к гражданам России, но снизилась готовность задумываться об отдаленном будущем своей страны (в 2012 г. студенты заглядывали в будущее России в среднем на 6–10 лет, в 2016 г. – на 3–5 лет).

Несмотря на то, что по сравнению с 2012 г. в 2014–2016 гг. объективное положение дел в области стратегической безопасности существенно ухудшилось (общая эскалация напряженности в международных отношениях, возобновление ядерных испытаний, размещение ядерных ракет вблизи российских границ и т. д.), студенческая молодежь считает ядерную войну менее вероятной.

Можно предположить, что в условиях патриотического подъема 2016 г., отмеченного российскими социологами*, произошло не только укрепление позитивной гражданской идентичности, но и повышение уверенности в управляемости рисков, связанных с гонкой вооружений и возможным ядерным противостоянием. Снижение уровня доверия к людям, согласно данным регрессионного анализа, должно было бы повысить оценку вероятности ядерного конфликта. Возможно, этого не произошло благодаря укреплению гражданской идентичности, позитивной самооценки и веры в способность влиять на свое будущее.

По-видимому, одним из последствий роста патриотических переживаний перед лицом внешней угрозы и синдрома «осажденной крепости» может быть усиление сверхоптимизма и иллюзии контроля над ситуацией. Сами по себе данные эффекты носят позитивный характер, так как способствуют мобилизации сторон-

---

* Пресс-выпуск ВЦИОМ, 2016, № 3136. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115747> (дата обращения: 20.08.2016).

ников ядерного разоружения, поддерживают позитивный образ будущего и мирные общественные инициативы. Вместе с тем они же могут привести к недооценке рисков. Мы не знаем, имеет ли место подобный эффект на уровне российских элит, но знаем, что ему может быть подвержен любой руководитель. Сверхоптимизм может сыграть злую шутку с лидерами, которые считают использование ядерного оружия абсолютно недопустимым. Под влиянием патриотических настроений в своей стране и в погоне за тактическими преимуществами стороны постепенно расширяют границы допустимого адекватного ответа на провокации друг друга, так как считают ситуацию управляемой, а поведение руководителей других стран – абсолютно рациональным.

ГЛАВА 5

Психологические механизмы распространения ядерного оружия и формирования готовности к его применению

Безусловно, ядерное сдерживание до сих пор играет роль в предотвращении третьей мировой войны. Однако история Карибского кризиса и вьетнамской войны показывает, что ядерное устрашение работает далеко не всегда (Rühle, 2015). В условиях сетецентрической, дистанционной высокоточной войны в качестве инструментов устрашения все чаще используются неядерные виды оружия в сочетании с ядерными. Маломощные тактические ядерные заряды утратили роль орудия устрашения, но сохранили роль символа помощи союзникам и защиты от возможных агрессоров (Suchy, Thayer, 2014). Несмотря на фатальность последствий ядерной войны, возможность использования ядерного арсенала по-прежнему активно эксплуатируется государствами.

Современные военные доктрины строятся на стратегическом сдерживании превентивного удара при провокации внутреннего вооруженного конфликта и риске распада государства, в котором ядерные и обычные вооружения используются как элементы единой системы (Gat, 2013; Полегаев, Алферов, 2015).

Все это позволяет сделать вывод о том, что преследование радикальных целей уничтожения противника в ядерной войне маловероятно; однако растет вероятность втягивания в ядерную войну путем применения неядерного оружия. Иными словами, тактические решения, каждое из которых само по себе воспринимает-

ся властью как адекватный ответ на провокации, могут привести к фатальным ошибкам.

Реальные глобальные риски, связанные с ядерным оружием, усиливаются двумя процессами: во-первых, *распространением ядерного оружия* на фоне роста его технической доступности, а во-вторых, учатившейся *демонстрацией государствами своей готовности использовать это оружие*. Испытания перспективных вооружений, действия по поддержанию готовности сил и средств их применения напоминают «танцы на краю пропасти» и постоянно испытывают запас прочности технических и человеческих систем безопасности. Следствием обоих процессов становится рост вероятности непреднамеренного срабатывания ядерных установок, попадания их в руки слабых, нестабильных государств, в террористические организации и т. п. Необходимые действия в случае ядерного взрыва обсуждаются сегодня всерьез, так как вероятность подобных событий растёт (Davis, 2014).

Ниже мы рассмотрим некоторые психологические механизмы, влияющие на эти два процесса. Незнание или игнорирование этих механизмов при принятии внешнеполитических решений чревато фатальными ошибками.

Психологические механизмы, лежащие в основе распространения ядерного оружия. Несомненно, существуют объективные факторы распространения ядерного оружия в условиях происходящего сегодня изменения международных отношений. Это наличие ядерных стран-соседей, рост нестабильности в регионе, имеющийся у страны научно-технический и ресурсный потенциал, увеличение доступности ядерных технологий, степень интегрированности страны в мировую экономику, затрудненность контроля за соблюдением Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) подписавшими его неядерными странами, а также приостановка ядерного разоружения (Тарасов, 2015). Наряду

с этими политическими и экономическими факторами можно выделить несколько психологических механизмов, влияющих на распространение ядерного оружия: защита позитивной идентичности, дилемма безопасности и самосбывающиеся пророчества, эффекты фундаментальной ошибки атрибуции и сверхуверенности политического руководства.

Дж. Хайманс показывает роль механизма поддержания позитивной групповой идентичности в распространении ядерного оружия. Он опирается на пример двух ядерных держав (Франция и Индия) и двух стран, которые могли создать или приобрести ядерное оружие, но отказались от этой возможности (Австралия и Аргентина). К приобретению ядерного оружия склонны политические руководители с особым типом идентичности – «оппозиционные лидеры-националисты», которые, приходя к власти, испытывают одновременно и гордость за свою страну, и чувства фрустрации, унижения несправедливым положением страны на мировой арене. Само по себе запугивание ядерной угрозой и ужесточение контроля за распространением ядерного оружия только усиливают недовольство сложившимся положением среди лидеров неядерных государств. Путь к снижению ядерной угрозы лежит не через демонстрацию недоверия и наращивание средств обнаружения, а через дипломатию, поддерживающую чувства национального достоинства у лидеров всех заинтересованных государств (Huthans, 2006, 2012, 2013).

Почему столь немногие государства захотели и смогли реализовать программы по созданию ядерного оружия и почему такие программы потребовали гораздо больше времени, чем планировалось? На сегодняшний день 95% государств не имеют ядерного оружия, причем вовсе не потому, что не имеют средств к его созданию или приобретению.

М. Рубли на примерах государств, отказавшихся от своих программ по созданию ядерного оружия (Японии, Египта, Ливии, Швеции и Германии) показывает,

что поведение национальных политических элит объясняется не столько экономическими и политическими факторами, сколько социально-психологическими: изменением первоначальных представлений под влиянием убеждения со стороны других руководителей, конформностью в отношении внутренних культурных и международных правил, идентификацией себя с другими государствами и лидерами. При этом каждая страна по-своему конструирует образ ядерного оружия и его роли в своем будущем, проходя несколько стадий: сопоставление выгод и рисков от потери неядерного статуса, изменение предпочтений, смена идентификации (Rublee, 2009).

Характеристики государственной идентичности в международных отношениях не являются постоянными. Государственные руководители и дипломаты выбирают идентичности, учитывая расстановку сил на национальной и мировой арене. Так, например, руководители Китая и России вынуждены постоянно разрешать противоречия между образом сильного государства и образом государства, следующего международным нормам; английское правительство вынуждено разрешать противоречие между образом государства, ведущего войну с террором, и образом защитника демократических ценностей (Anstee, 2012).

Действительно, формирование международных норм в отношении гонки вооружений поддерживается процессами социальной идентификации и межгруппового сравнения. Оно тесно связано с поведением ядерных стран, выступающих для международного сообщества «ролевыми моделями» или «референтной группой». Ориентация стран ядерного клуба на разоружение действительно снижает мотивацию других государств к переходу в статус ядерных держав. Однако, учитывая особенности принятия государственных решений, одного разоружения недостаточно для того, чтобы остановить распространение ядерного оружия (Кпорф, 2012).

Ядерные программы Ирана и Северной Кореи опасны не сами по себе, поскольку создаваемые ими ядерные заряды по своей мощности не могут идти ни в какое сравнение с оружием ключевых держав ядерного клуба (Humphs, 2013). Психологическая опасность этих программ состоит в том, что они провоцируют руководство других неядерных стран к участию в большой игре на фоне все большей технической доступности средств массового уничтожения.

Следует подчеркнуть, что для запуска ядерной программы недостаточно наличия технических возможностей. Действительно, работа над созданием ядерного оружия облегчается, благодаря помощи со стороны ядерных государств, экспортирующих мирные атомные технологии.

Так, США помогали Ирану в 1957–1979 гг., а также Индии в 2001–2008 гг., СССР экспортировал ядерные технологии в Ливию в 1975–1986 гг., Франция, Италия и Бразилия – в Ирак с 1975 по 1981 гг. Но военную направленность эти мирные программы приобретают тогда, когда руководство попавших в зависимость стран сталкивается с кризисом в международных отношениях и переживает фрустрацию (Fuhrmann, 2012).

Именно использование чувств уязвленного достоинства, превосходства, недоверия, несправедливости, беспомощности и уязвимости позволяет политическим лидерам оправдать начало военных действий в национальном массовом сознании. Например, именно к этим чувствам апеллировала администрация Дж. Буша, обосновывая необходимость вторжения в Ирак в марте 2003 г. защитой США от террористических атак и ядерного оружия, якобы скрываемого Саддамом Хусейном (Brewer, 2009; Eidelson, 2013).

Демонизация противника легко осуществляется не только в массовом сознании, но и в головах политиков, принимающих решения, так как интерпретация сторонами действий друг друга затруднена известной *дилеммой безопасности* (Jervis, 1978; Booth, Wheeler, 2008). Стре-

мясь повысить степень обороноспособности своей страны, руководство принимает решения, которые руководители других стран воспринимают как признаки подготовки к нападению. Так раскручивается спираль эскалации напряженности в международных отношениях. Дилемма безопасности является частным случаем самосбывающихся пророчеств. Наблюдая за словами и действиями друг друга, стороны находят все больше подтверждений своим пессимистическим ожиданиям и все больше опираются на них в собственном поведении, подталкивая к приобретению оружия массового уничтожения.

Политикам крайне трудно отличить государство, принимающее защитные меры в навязанной ему ситуации, от государства, стремящегося к экспансии по воле своего лидера. Это может быть связано с *фундаментальной ошибкой атрибуции*: при объяснении действий личности или группы основное внимание уделяется их внутренним мотивам и чертам, а не особенностям ситуации, в которой те находятся (Росс, Нисбетт, 1999). Объективная ситуация в международных отношениях такова, что для обеспечения собственной безопасности государства вынуждены либо вступать в военные альянсы, гарантирующие поддержку более сильных партнеров, либо наращивать собственные вооруженные силы. Однако воспринимаются эти ситуативно обусловленные действия как проявление личностных особенностей лидеров. Парадокс состоит в том, что для большинства дипломатов и государственных руководителей характерна презумпция собственной невиновности: не учитывая феномена фундаментальной атрибутивной ошибки, они знают, что действуют с целью самозащиты, и думают, что это известно всем остальным. Классическим примером в этом отношении является ядерная программа руководства Северной Кореи. Эта программа разрабатывается для защиты политического режима, но воспринимается соседями как подготовка к войне и связывается с личностными особенностями авторитарного лидера страны.

Ошибочная интерпретация руководителями стран намерений друг друга приводит к эффекту *самосбывающихся пророчеств*: чем более жесткие санкции вводят члены ядерного клуба против Ирана и Северной Кореи, тем больше они убеждают руководство этих стран в необходимости ядерного арсенала. Эта спираль взаимного недоверия раскручивается также благодаря эффекту *сверхуверенности* личности в своих суждениях и прогнозах. В международных отношениях этот эффект выражается в стремлении политиков сбросить со счетов точки зрения и факты, противоречащие выбранной ими позиции, а также в переоценке своей способности выявлять подлинные намерения, скрытые за действиями руководства других государств (Jervis, 1976).

Так, израильское руководство перед атакой египетских и сирийских войск, совершенной во время праздника Йом-Кипур 6 октября 1973 г., не смогло правильно оценить имевшуюся оперативную информацию, будучи убежденным в слабости арабских государств. И наоборот, сверхуверенные сторонники начала войны могут недооценивать готовность другой стороны к сопротивлению (Lebow, 1981). Например, предубеждение политиков Израиля в отношении абсолютной враждебности арабского мира подтолкнуло их к приобретению и созданию ядерного оружия.

Психологические аспекты демонстрации готовности применить ядерное оружие. Демонстрация руководством страны готовности применить ядерное оружие связана с целым рядом психологических факторов – личностных, групповых и межгрупповых.

Среди *внутриличностных факторов* следует выделить мотивационно-когнитивные искажения, а также особенности личности политика, принимающего решения.

Психологическая специфика ядерного противостояния определяется, помимо прочего, *высокой зависимостью стратегических решений от психологичес-*

ких особенностей небольшого числа лиц. Если вопросы ядерного разоружения и контроля за распространением ядерного оружия находятся под надзором довольно большого числа политических институтов, то принятие решения о нанесении ядерного удара в кризисной ситуации является прерогативой крайне ограниченной группы людей. Нехватка объективной информации усиливает влияние психологических особенностей ситуации, а также личностных черт руководителей.

Анализ противоречий в кругах американской политической элиты в 1898–1968 гг. показывает, что политики, характеризующиеся доминантностью в межличностных отношениях, были склонны к решению международных вопросов силовым путем, а экстраверсия, склонность доверять людям и высокая самооценка связаны с поиском компромиссных решений (Etheredge, 1978). Роль индивидуальных различий при разрешении конфликтов подтверждается и лабораторными экспериментами (Sternberg, Soriano, 1984).

Например, *авторитарность* лидеров может повышать вероятность использования ядерного оружия, однако, если бы все руководители ядерных держав были авторитарными личностями, эффективность ядерного сдерживания была бы более высокой. Как известно, авторитарная личность отличается высоким этноцентризмом, подверженностью стереотипам и предрассудкам, готовностью подчиняться власти (Адорно, 2001). Экспериментальное исследование Б. Альтмейера, в котором все испытуемые характеризовались высоким показателем авторитаризма правого толка, показало, что, играя роль руководителей государств, такие участники придерживались правила «мы не трогаем вас, а вы – нас». Высокие *консерватизм* и *этноцентризм* удерживали внимание таких руководителей на проблемах своего государства, при этом их активность в совместном решении глобальных проблем оказывалась очень слабой. Однако, когда участниками эксперимента стали авторитарные личности с выраженным стремлением к влас-

ти, ситуация изменилась: они гораздо более активно вели переговоры друг с другом, однако, стремясь расширить свое влияние, подталкивали к ядерной войне (Altemeyer, 2003).

Помимо устойчивых личностных черт, на принятие решений о демонстрации готовности применить ядерное оружие влияют *закономерности переработки информации и принятия решений в условиях риска*.

Перед лицом угрозы политические лидеры склонны *упрощать ситуацию*, используя ложные сравнения (Stein, 2013). Так, во время вторжения Ирака в Кувейт Буш-старший назвал Саддама Хусейна Гитлером, хотя намерения и возможности этих исторических фигур были несопоставимы; позднее Джон Керри назвал Гитлером Башара Асада; во время президентской гонки Дональд Трамп назвал лидера Северной Кореи сумасшедшим. Эффект упрощения ситуации усиливается вместе с ростом международной напряженности и формированием норм «грубой речи» среди современных политиков, которые оскорбляют зарубежных соперников ради повышения своих рейтингов внутри страны*.

Эффект недооценки уступок, или *реактивная девальвация уступок*, наиболее часто проявляется в переговорах: уступка воспринимается как незначительная только потому, что она сделана другой стороной. Получив уступку, переговорщик не готов отвечать на нее равноценным предложением или добивается от уступившего еще большего (Левицкий и др., 2006). Очевидно, что обмен уступками во время ядерного кризиса может быть блокирован недоверием сторон друг другу: неосознаваемое политиками обесценивание предложений другой стороны может провоцировать их на использование «стратегических жестов» в виде повышения уровня боеготовности ядерных сил.

Среди когнитивно-мотивационных искажений большее значение может иметь *стремление оправдать свои*

---

* Kuper S. The rude truth of modern politics // Financial Times. 2016. September 8.

решения задним числом: даже при наличии очевидных доказательств неизбежности ответного удара, решение может быть принято в пользу нападения, так как убеждение в самонепротиворечивости искажает восприятие ситуации. Например, наличие ядерного оружия у США не сдержало СССР от размещения ракет на Кубе, а его наличие у Великобритании не удержало Аргентину от захвата Фолклендских островов (Lebow, 1985). Высокий уровень эмоционального возбуждения под влиянием пугающей информации также может быть фактором принятия решения о ядерном ударе (Allen, 1993).

Еще один психологический механизм втягивания в войну связан с особенностями различных фаз принятия решений, описанных Х. Хекхаузенем и П. Голвитцем в модели Рубикона (Gollwitzer et al., 1990; Johnson, Tierney, 2011).

Если на стадии выработки решения люди склонны к сопоставлению различных альтернатив, то после того, как решение субъективно кажется принятым и «Рубикон перейден», наш мозг работает в исполнительском режиме и чувствительность к новой информации резко снижается.

На этой стадии мы гораздо больше подвержены различным когнитивным искажениям, включая туннельное видение, поддержание самонепротиворечивости, иллюзию контроля над ситуацией и сверхуверенность в своей правоте. Мы уже указывали на опасную связь неядерных вооружений и тактического и стратегического ядерного оружия в современных военных концепциях. Модель «перейденного Рубикона» позволяет понять, как цепочка тактических решений по использованию конвенциональных средств сдерживания может привести к втягиванию в ядерную войну.

Исследования, опирающиеся на проспективную теорию принятия решений Д. Канемана, А. Тверски и эффект «рамки», показывают, что перед угрозой потери статуса-кво государственные лидеры склонны принимать более рискованные решения, чем для усиле-

ния своих позиций. Политические элиты слабеющих держав подвержены сдвигу к рискованным решениям (Taliaferro, 2004; Levy, 2013).

Еще одним фактором, влияющим на принятие решений об использовании оружия массового уничтожения, является *нормативный конфликт*, когда необходимость следовать международным нормам вступает в конфликт с внутригрупповыми нормами. Примером может служить предложение генерала Дж. Маршалла (лауреата Нобелевской премии, 1953 г.) использовать химическое оружие против японцев в 1945 г., чтобы не допустить массовых жертв среди американцев. Конфликт норм может провоцировать нарушение табу на применение оружия массового уничтожения (Dolan, 2013).

Среди *внутригрупповых факторов* ключевую роль играют эффекты «группового мышления», впервые обнаруженные в ходе Карибского ядерного кризиса (Janis, 1972). Как оказалось, эксперты с высокими интеллектуальными способностями и нравственными качествами могут принимать гораздо более рискованное и ошибочное совместное решение по сравнению с теми решениями, которые они бы приняли порознь. Такие факторы, как директивный стиль руководства, высокая сплоченность и наличие внешней угрозы, подталкивают членов группы к необдуманному и крайне рискованному решению. Проявлениями эффекта группового мышления являются сверхоптимизм, групповая поляризация, групповое давление, приводящее к недооценке мнений меньшинства, а также известный *феномен сдвига к риску*. Эффект сдвига к риску был впервые обнаружен в 1962 г. Дж. Стоунером. Он предлагал участникам эксперимента сначала зафиксировать свое личное мнение по ряду вопросов, включавших рискованную альтернативу (например, должна ли футбольная команда при равном счете идти в атаку, оставляя без защиты ворота в последние минуты матча; следует ли вкладывать деньги в опасное дело, сулящее большую и быструю прибыль и т. д.). Оказалось, что в ходе последую-

щего группового обсуждения 12 из 13 групп выбрали рискованную альтернативу. Более того, после группового обсуждения индивидуальные мнения участников тоже сдвигались в направлении более рискованных вариантов решения (Stoner, 1968). В ряде исследований было показано, что в ходе групповой дискуссии происходит усиление той позиции, которую в более мягкой форме разделяли большинство участников. Чем сильнее групповая идентичность участников обсуждения, чем выше их сплоченность, тем больше вероятность поляризации и сдвига к риску (Abrams et al., 1990). Причем экстремисты, с самого начала занимающие крайнюю точку зрения по отношению к остальным участникам обсуждения, сдвигают ее к еще более крайней позиции. С точки зрения теории самокатегоризации эффект поляризации объясняется ориентацией участников дискуссии на прототипический образ своей группы, т. е. сдвиг происходит в направлении той точки зрения, которая представляется наиболее ярким маркером принадлежности к данной группе. Групповое мышление и сдвиг к риску могут приводить к эскалации международных конфликтов. Роль внутригрупповых процессов подтверждается при моделировании принятия решений штабом Кеннеди в ходе Карибского кризиса (Sakamoto, Hoshiro, 2006), а также при моделировании влияния авторитарных лидеров на гонку вооружений (Altemeyer, 2003).

Ключевыми отличительными признаками принятия решений в кризисной ситуации можно считать угрозу в отношении базовых ценностей, дефицит времени и высокую неопределенность (Stern, 2003). В ходе внутренних и международных кризисов горизонт планирования политических лидеров сокращается (Holsti, 1989). В таких условиях непосредственное окружение менее склонно противоречить лидеру и может делать ошибки первых лиц более вероятными. Исследования групповой динамики свидетельствуют о том, что при дефиците времени у членов группы повышаются потребности в определенности, простых и окончательных решени-

ях, групповое давление и конформность. Решение о превентивном ударе рассматривается как дилемма между риском войны сейчас и риском войны в гораздо менее благоприятных условиях позже (Levy, 2013). В целом высокая ориентация группы на ближайшее будущее, которую можно выразить формулой «сейчас или никогда», приводит к «зашориванию группового разума» (Kerr, Tindale, 2004). В таких условиях группа становится невосприимчивой к экспертным оценкам и прогнозам, расходящимся с уже сложившимися представлениями и мнением лидера. Иными словами, если решения принимаются в быстро меняющейся ситуации и при высоком риске, их качество зависит от внутригрупповой динамики сильнее, чем от компетентности экспертов или руководителей.

Еще одним групповым фактором гонки ядерного вооружения оказалась корпоративная культура и групповая сплоченность разработчиков ядерного оружия (Pilisuk, 1999), а религиозные представления о неизбежности Судного дня, как оказалось, могут влиять на принятие решения о ядерном ударе офицерами стратегических сил (Kierulff, 1992). Убежденность в неизбежности ядерного столкновения может влиять на оценку рисков экспертами и политиками, принимающими решения. Например, Артур Комптон, один из руководителей Манхэттенского проекта, оценил вероятность взрыва атмосферы Земли вследствие ядерных испытаний как 1 шанс из 3 миллионов, по-видимому, произвольно, так как считал, что из-за гонки вооружений в ходе Второй мировой войны таких испытаний все равно не избежать (Kent, 2004).

К межгрупповым факторам готовности использовать ядерное оружие относится межгрупповое сравнение, межгрупповые стереотипы и эффекты аутгрупповой дискриминации, проявляющиеся в формировании «образа врага». Роль межгруппового восприятия столь существенна, что некоторые исследователи предлагают описывать ядерное противостояние не как «ди-

лемму заключенного», а как «перцептивную дилемму» (Plous, 1993).

Первоначально при изучении конфликтов широко использовались теория игр и принцип максимизации полезности, тогда как психологические факторы не принимались во внимание. Среди моделей ядерного противостояния, разработку которых в 1960–1980 гг. финансировали американские военные структуры и администрация НАТО, наибольшую популярность получила игра «Дилемма заключенного». Это название игра получила в соответствии с первоначальной версией: заключенные стоят перед дилеммой, выдать тайну своего напарника и сократить срок своего заключения или договориться о молчании и немедленно выйти на свободу. Применительно к гонке вооружений игра предполагает четыре варианта поведения супердержав:

- 1) взаимное разоружение обеих сторон,
- 2) наращивание вооружения Россией при разоружении США,
- 3) наращивание вооружения США при разоружении России,
- 4) взаимное наращивание вооружений.

Математические расчеты показывают, что обеим сторонам выгоднее наращивать вооружения независимо от того, какую стратегию выбирает соперник (Brams, 1985). Между тем поведение в данной модели определяется не столько расчетом, сколько представлениями о намерениях другой стороны. С учетом психологии межгрупповых отношений «дилемма заключенного» выглядит как «дилемма восприятия»:

- 1) обе стороны считают наиболее выгодным взаимное разоружение;
- 2) они больше всего опасаются разоружиться в тот момент, когда соперник будет вооружаться;
- 3) обе считают, что другая сторона в любой ситуации предпочтет вооружение разоружению (Plous, 1993).

В условиях конкуренции межгрупповое восприятие искажается социальными стереотипами и этническими предрассудками, которые затрудняют адекватную оценку намерений другой стороны и подталкивают к наращиванию вооружений. При дальнейшей эскалации межгруппового конфликта стороны утрачивают способность замечать позитивные изменения в действиях друг друга. Формируется образ врага, противник зачисляется в состав «нелюдей», по отношению к которым оправданно использование любых средств уничтожения (Солдатова, 1998; Зимбардо, 2014).

Наконец, *социетальные*, т. е. относящиеся к обществу в целом, факторы готовности к применению ядерного оружия связаны, прежде всего, с давлением со стороны национальных и международных политических и бюрократических групп интересов, а также с влиянием СМИ и общественного мнения на позицию политиков (Allison, 1971; Fiske et al., 1983). Между тем общественное мнение в отношении ядерной угрозы легко поддается манипулированию. Иными словами, вероятна ситуация, когда в борьбе за власть оппозиционные или политические лидеры попытаются представить нанесение ядерного удара как вынужденный и относительно безопасный для населения страны выход из сложившегося положения.

Отсутствие ядерной катастрофы в автобиографической и коллективной памяти приводит к тому, что она достраивается воображением по аналогии с другими катастрофами, носящими локальный характер, имеющими совсем другие последствия. Людям свойственно переоценивать маловероятные риски после того, как они столкнулись с наглядными примерами их последствий, «прочувствовали» их на своем или чужом опыте. Наоборот, гораздо более вероятные риски недооцениваются, если они описываются абстрактными прогнозами (Weber, 2006; Smith, Leiserowitz, 2014).

Глобальные риски, связанные с ядерным оружием, усиливаются в связи с его распространением и учатившейся

ся демонстрацией государствами своей готовности его использовать. Эти два процесса обусловлены не только объективными политическими, экономическими и технологическими факторами, но и целым рядом психологических механизмов.

На внутриличностном уровне это авторитарность, этноцентризм, тип самооценки, а также мотивационно-когнитивные искажения (сверхуверенность, упрощение ситуации, метафора эскалации, реактивная девальвация уступок, эффект перехода Рубикона, эффект «рамки»), эффекты управления ужасом и внутриличностного нормативного конфликта. На уровне межличностных отношений это уровень доверия и закономерности социального восприятия: дилемма безопасности и фундаментальная ошибка атрибуции, эффекты самосбывающихся пророчеств. На уровне группы это эффекты группового мышления, сдвига к риску, роста конформности в условиях дефицита времени. На уровне межгрупповых отношений это аутгрупповая дискриминация, стереотипизация и формирование образа врага. Наконец, на уровне общества в целом это виртуальность ядерной угрозы, недооценка рисков, которых нет в жизненном опыте и ложные представления о постапокалиптическом будущем, формируемые, в частности, индустрией развлечений.

Одним из факторов, снижающих чувствительность к рискам ядерной войны в массовом сознании, стала индустрия компьютерных игр, позволяющих своим персонажам многократно оживать после смерти, а также осваивать воображаемый мир после катастрофы. Заметим, что постапокалиптический шутер Fallout 4 стал самой популярной игрой в 2015 г., по данным Amazon*.

Чтобы понять масштабы данного явления, достаточно учесть, что только за один месяц число продаж

---

* Fallout 4 is Favorite of UK Retailer GAME's Audience According to Survey. См.: <http://www.dualshockers.com/2016/01/16/fallout-4-is-favorite-of-uk-retailer-games-audience-according-to-survey>.

Таблица 8
Отношение к ядерной угрозе и допустимость применения ядерного оружия

Тип отношения к ядерной угрозе	Респонденты, считающие, что применение ЯО недопустимо ни при каких обстоятельствах (N=137)	Респонденты, считающие, что применение ЯО допустимо (N=140)	Значимость различий по тесту Манна-Уитни
Озабоченность ядерной угрозой	3,2	2,7	0,001
Страх перед ядерной войной	1,8	1,5	0,011
Поддержка гонки ядерных вооружений	2,5	3,1	0,001
Поддержка развития ядерной энергетики	2,5	3,1	0,001
Уверенность в том, что в ближайшие 10 лет будет ядерная война	1,2	3,6	0,012
Вера в то, что ядерная война неизбежна	2,3	2,7	0,008
Ядерную войну можно предотвратить, если пропорционально наращивать арсенал оружия массового уничтожения и поддерживать баланс сил	2,4	2,9	0,003

Тип отношения к ядерной угрозе	Респонденты, считающие, что применение ЯО недопустимо ни при каких обстоятельствах (N=137)	Респонденты, считающие, что применение ЯО допустимо (N=140)	Значимость различий по тесту Манна-Уитни
Лучший способ предотвратить ядерный удар – нанести его первыми	1,3	2,4	0,001
Готовность своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф	3,6	3,1	0,010
Федеральное правительство готово к последствиям применения ядерного оружия	2,2	3,7	0,055
Россия хорошо защищена от вероятной ядерной атаки	1,7	4,1	0,001
Глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее (обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т. п.)	3,0	3,5	0,004
Я думаю, что смогу выжить в ядерной войне	2,2	3,1	0,001

Fallout 4 составило более 2 миллионов копий, а в первый день выхода игры в нее одновременно играли более 440 тысяч человек*. Игровая культура поддерживает веру в возможность выживания после ядерной войны, «опривычивает» воображаемые катастрофические последствия, истинная реальность которых не доступна опыту ныне живущего человечества.

Психологические детерминанты готовности к применению ядерного оружия: результаты эмпирического исследования. Чтобы выявить психологические факторы, влияющие на оценку допустимости применения ядерного оружия, мы сопоставили ответы студентов московских вузов, считающих, что применение ядерного оружия недопустимо ни при каких обстоятельствах (N=137), и студентов, считающих применение ядерного оружия в исключительных случаях вполне оправданным (N=140).

Оказалось, что убеждение в допустимости применения ядерного оружия сопряжено с уверенностью в неизбежности ядерной войны, в возможности выиграть ее упреждающим ядерным ударом, выжить в ядерной войне и в защищенности России от вероятной ядерной атаки. Характерно также, что сторонники применения ядерного оружия убеждены в необходимости наращивания ядерного потенциала и менее готовы лично поддерживать общественные инициативы по предотвращению ядерной катастрофы.

По сравнению с женщинами мужчины более склонны оправдывать применение ядерного оружия (среди сторонников применения ядерного оружия 60% мужчин, среди противников применения – 75% женщин). Анализ статистически значимых различий позволил выявить ряд индивидуально-психологических и социаль-

---

* См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Fallout_4#.D0.9F.D1.80.D0.BE.D0.B4.D0.B0.D0.B6.D0.B8 (дата обращения: 21.03.2016).

но-психологических особенностей, характерных для сторонников применения ядерного оружия (таблица 9).

Как выяснилось, сторонники применения ядерного оружия отличаются более выраженной гражданской идентичностью, мысли о своей принадлежности к россиянам у них вызывают чувства гордости и уверенности, они с оптимизмом видят будущее страны. Однако патриотизм у них сочетается с низким доверием к людям и более выраженным социальным цинизмом (низким уровнем доверия к социальным институтам), низким уровнем социального капитала. Они менее готовы отождествлять себя с людьми своего непосредственного окружения (категория «Соседи»), менее рассчитывают на поддержку знакомых при стихийных бедствиях. Ориентация на будущее сочетается у них с верой в предопределенность судьбы, а относительно низкая личностная тревожность и ориентация на гедонистическое настоящее – с негативной оценкой собственного прошлого. Выявленные нами психологические особенности сторонников применения ядерного оружия позволяют предположить, что их идентификация себя с сильной державой выполняет компенсаторные функции, восполняя нехватку эмоциональных связей с другими людьми.

Патриотические чувства в сочетании с низким социальным доверием и верой в предопределенность судьбы объединяются у сторонников применения ядерного оружия с иллюзией возможности выживания в ядерной войне и завышенной оценкой защищенности государства от ядерной атаки. Эти качества образуют опасный социально-психологический синдром, повышающий готовность личности оправдывать радикальные, безответственные политические решения.

На наш взгляд, опасность данного синдрома заключается в том, что он повышает подверженность когнитивным искажениям в прогнозах (сверхуверенность, сверхоптимизм, нечувствительность к масштабам потенциальных жертв), облегчает эффекты сдвига к риску

Таблица 9
Социально-психологические характеристики личности
и оценка допустимости применения ядерного оружия

Характеристики личности	Респонденты, считающие, что применение ЯО недопустимо ни при каких обстоятельствах (N=137)	Респонденты, считающие, что применение ЯО допустимо (N=140)	Значимость различий по тесту Манна-Уитни
Позитивные чувства в связи принадлежностью к гражданам России	3,6	4,1	0,001
Позитивная оценка будущего России	3,8	4,3	0,000
Значимость будущего России	5,1	5,4	0,027
Личностная тревожность	2,4	2,2	0,000
Негативное прошлое	2,8	3,1	0,024
Гедонистическое настоящее	3,5	3,7	0,028
Будущее	3,7	3,9	0,020
Контроль судьбы	2,7	2,9	0,028

Характеристики личности	Респонденты, считающие, что применение ЯО недопустимо ни при каких обстоятельствах (N=137)	Респонденты, считающие, что применение ЯО в исключительных случаях допустимо (N=140)	Значимость различий по тесту Манна-Уитни
Социальный цинизм	3,0	3,2	0,000
Доверие к людям	2,6	2,3	0,032
Число социальных категорий, с которыми идентифицирует себя респондент	6,0	4,9	0,008
Отождествление себя с категорией «Соседи»	3,0	2,6	0,018
Отождествление себя с категорией «Люди вашего возраста»	3,3	3,1	0,049
Отождествление себя с категорией «Европейцы»	3,5	3,0	0,001
Сколько у вас знакомых (за исключением родственников), на поддержку которых вы рассчитываете в случае, если окажетесь жертвой стихийного бедствия?	22,3	11,3	0,030

и защиты позитивной идентичности при коллективном принятии решений. Выявленный нами синдром повышает уязвимость личности перед манипуляциями общественным сознанием, делает ее вероятной жертвой политических экстремистов, которые в критической ситуации могут сдвигать общественное мнение в направлении рискованных действий.

Особенно важным в этой связи является эффект сверхуверенности. Как показал регрессионный анализ, при наличии данного синдрома (фатализм, низкое социальное доверие, низкая личностная тревожность и патриотические чувства) чем более информированными о ядерном сдерживании считают себя респонденты, тем более они склонны оправдывать применение ядерного оружия (см. таблицу 10).

Эти данные указывают на парадоксальную зависимость: знакомство сторонников применения ядерного оружия с дополнительной информацией о проблемах ядерного сдерживания в международных отношениях не разубеждает их, а напротив, укрепляет их уверенность в своей правоте. По-видимому, информирование об ужасных последствиях применения ядерного оружия способно поляризовать массовое сознание: одни становятся более озабоченными ядерной угрозой, другие, напротив, еще больше убеждаются в правомерности упреждающего ядерного удара. Это значит, что даже нейтральное, безоценочное обсуждение экспертами ядерной проблематики в СМИ и социальных медиа является обоюдоострым оружием: его легко использовать не только для повышения осознанности глобальных рисков, но и для мобилизации поддержки крайних мер. Дополнительная информация о глобальных рисках может приводить к упрощенному пониманию ситуации, усиливать эффект сверхуверенности, сдвигая мнения к крайним, диаметрально противоположным полюсам.

Чтобы определить, при каких ситуациях применение ядерного оружия может найти поддержку в массо-

Таблица 10
 Психологические детерминанты допустимости использования ядерного оружия
 (коэффициенты линейной регрессии, N=433, 2016 г.)

Зависимая переменная	Предикторы, β						R^2	
	Контроль судьбы	Доверие к людям	Позитивная оценка будущего России	Убежденность в том, что лучший способ предотвратить удар – нанести его первыми	Личностная тревожность	Число социальных категорий, с которыми себя идентифицирует респондент		Информированность о проблеме ядерного оружия в международных отношениях
Допустимость применения ядерного оружия	0,159***	-0,130***	0,168***	0,300***	-0,131***	-0,148**	0,121**	0,340

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; β – стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 – доля дисперсии.

вом сознании, в 2016 г. мы не только измеряли допустимость применения ядерного оружия, но и просили студентов московских вузов (N=433) назвать обстоятельства, при которых нанесение ядерного удара оправданно. Лишь 19,5% респондентов признали применение ядерного оружия допустимым. Среди случаев, в которых применение ядерного оружия допустимо, респонденты чаще всего указывали: ядерный удар другой державы (35% ответивших на вопрос), защита суверенитета при военном вторжении с использованием неядерного оружия (28%), а также превентивный удар для предотвращения ядерной войны (15%) и предотвращение глобальной природной или антропогенной катастрофы (14%).

Результаты контент-анализа названных студентами ситуаций показывают, что основанием для оправдания применения ядерного оружия является защита от состоявшегося или возможного нападения. Доля ответов на этот открытый вопрос в общей выборке не превышает 10%, но это дает представление о возможных аргументах, которые могли бы использовать (возможно, уже используют) экстремисты для того, чтобы заручиться поддержкой сторонников или вовлечь молодых людей в подготовку катастрофического по последствиям теракта.

Манипулирование массовым сознанием с целью оправдания превентивного ядерного удара может быть особенно успешным в отношении людей, придерживающихся авторитарных взглядов и неудовлетворенных собственной судьбой. В 2012 г. Т. А. Нестик совместно с А. Ю. Гюлумян провели опрос среди студентов психологического и экономического факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова (N=134, 32% мужчины, 68% женщины, средний возраст – 19,9 лет). Участникам предлагалось оценить свою готовность к различным вариантам поведения в ходе ядерного кризиса. Им было предъявлено описание ситуации, аналогичной Карибскому ядерному кризису, и четыре стратегии поведения:

- а) нанести удар первыми;
- б) настаивать на переговорах, в ходе которых попытаться договориться о частичном вывозе ракет и с обеих сторон;
- в) объявить об одностороннем вывозе ракет во избежание конфликта;
- г) обратиться к другим странам или ООН как к посредникам.

Готовность выбрать ту или иную стратегию оценивалась по 5-балльной шкале Лайкерта. Для измерения личностных характеристик, предположительно влияющих на выбор стратегии поведения, использовали «Шкалу авторитаризма правого толка» Б. Альтмейера в адаптации Н. А. Дьяконовой, тест «Стили поведения в конфликте» К. Томаса в адаптации Н. В. Гришиной, шкалу «Самооценка уровня личностной тревожности» Ч. Спилберга в адаптации Ю. Л. Ханина и «Стенфордский опросник временной перспективы» (ZTPI) Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О. В. Митиной. Участникам исследования предлагали также оценить, насколько далеко в будущее России они обычно заглядывают: «Когда я думаю о будущем нашей страны, то обычно имею в виду события, которые произойдут через...» (использовалась визуально-аналоговая 12-балльная шкала от 1 – «один день» до 12 – «100 лет и более»).

Линейный регрессионный анализ показал, что готовность к нанесению упреждающего удара прямо зависит от выраженности авторитаризма правого толка. При этом она обратно связана с долгосрочной ориентацией при мыслях о будущем своей страны и позитивной оценкой собственного прошлого.

Авторитарные взгляды в сочетании с краткосрочной временной перспективой и неудовлетворенностью собственной судьбой делают личность склонной к радикальным стратегиям в потенциальном ядерном конфликте. Связь авторитаризма со стратегией превентивного ядерного удара можно объяснить особен-

Таблица 11
Представления студенческой молодежи о ситуациях,
в которых допустимо применение ядерного оружия (N=433, 2016 г.)

Варианты ответов	Число ответов	% ответов	% респондентов, ответивших на вопрос
Только в ответ на ядерный удар другой державы	39	26,90	35,10
Для защиты суверенитета в случае военного вторжения с использованием неядерного оружия (угроза национальной безопасности, угроза уничтожения страны, для защиты мирного населения)	31	21,40	27,90
Превентивный удар для предотвращения войны (если другая сторона уже держит руку на пульсе, для уничтожения Ю противника)	17	11,70	15,30
Для предотвращения глобальной природной или антропогенной катастрофы (падение астероида, эпидемия, зомби-апокалипсис, горящие газовые природные факелы, уничтожение биологического оружия вышедшего из-под контроля и т. п.)	15	10,30	13,50
Для устранения угрозы терроризма (скопление террористов в одном месте, появление атомного оружия у террористических организаций, удар по стране, которая угрожает всему миру терроризмом)	14	9,70	12,60

Варианты ответов	Число ответов	% ответов	% респондентов, ответивших на вопрос
При инопланетном вторжении	10	6,90	9,00
При неравенстве сил (силы противника намного превосходят собственные силы, безысходность, при потере большей части территории, критическое положение в ходе неядерной войны)	8	5,50	7,20
В состоянии войны (тактические ядерные удары по стратегическим центрам)	4	2,80	3,60
Прекращение военных действий, для предотвращения еще большего числа жертв	2	1,40	1,80
Когда обстановка более опасна, чем последствия применения ЯО	2	1,40	1,80
Для устранения угрозы сепаратизма	1	0,70	0,90
Перенаселение	1	0,70	0,90
Продательство национальных интересов правительством (террор против политической элиты своей страны)	1	0,70	0,90
Всего	145	100,00	130,60

Таблица 12

Психологические детерминанты готовности нанести опережающий ядерный удар в ситуации международного кризиса (коэффициенты линейной регрессии, N=134, 2012 г.)

Зависимая переменная	Предикторы, β			R^2
	Уровень авторитаризма правового толка	Склонность задумываться о долгосрочном будущем России	Позитивное прошлое	
Предпочтение варианта «Нанести удар первыми» в ситуации, аналогичной Карибскому кризису	0,215***	-0,444***	-0,262**	0,343

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; β – стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 – доля дисперсии; $F=10,4$; $p < 0,001$.

ностями самого авторитаризма правового толка: эта черта подразумевает конформность по отношению к власти, приверженность традиционным ценностям и агрессивность по отношению к «чужим» социальным группам, находящимся в конфликте с властями (Дьяконова, Юртайкин, 2000; Altemeyer, 1996). Эксперименты Б. Альтмейера показали, что авторитарные личности в роли государственных лидеров придерживаются правила «мы не трогаем вас, а вы – нас», но готовы при необходимости использовать оружие (Altemeyer, 2003). Связь готовности нанести ядерный удар с неудовлетворенностью собственным прошлым вполне согласуется с результатами исследований Ф. Зимбардо и его последователей, которые показывают, что негативная оценка собственного прошлого сопряжена с рискованным поведением, любовью к азартным играм, низкой самооценкой, дефицитом дружеских связей (Зимбардо, Бойд,

2010; Сырцова, 2008). Связь готовности нанести превентивный ядерный удар с краткосрочной временной ориентацией при мыслях о будущем своей страны позволяет предположить: в ситуации ядерного кризиса авторитарные личности могут быть подвержены эффекту «сейчас или никогда», т. е. принимать решения, не учитывая долгосрочных последствий для своей страны. Сужение временной перспективы в конфликтах затрудняет поиск взаимовыгодных решений (Holsti, 1989). Оно особенно вероятно в ситуации дефицита времени, который повышает вероятность агрессии (Darley, Batson, 1973; Cates et al., 1996).

Итоги проведенных эмпирических исследований позволяют сделать несколько выводов.

1. В целом российское массовое сознание мало озабочено риском ядерной войны. Применение ядерного оружия оттеснено на периферию социального представления о рисках другими социальными и экономическими угрозами (терроризм, социальное расслоение и конфликтность в обществе, безработица).
2. Нами было выделено несколько социально-психологических типов отношения к ядерной угрозе: «альтруистические фаталисты», «гедонистические фаталисты», «религиозные фаталисты», «алармисты», «выживальщики-ликвидаторы», «романтики» и «сторонники разоружения». При этом было показано, что оценка вероятности ядерной войны и оправданность применения ядерного оружия прямо связаны с фатализмом и недоверием социальным институтам. Напротив, озабоченность ядерной угрозой и ориентация на активные действия по ее предотвращению связаны с оптимизмом, верой в возможность изменить будущее и просоциальными установками.

На практике это означает, что нагнетание тревоги и формирование представлений о неизбежности

ядерной войны парадоксальным образом запускает самосбывающееся пророчество. Вместо готовности к действиям по снижению международной напряженности такого рода алармизм провоцирует приверженность радикальным силовым мерам.

3. Нами был выявлен психологический синдром «сторонника применения ядерного оружия», при котором патриотизм, низкое социальное доверие и предопределенность судьбы сочетаются с иллюзией возможности выживания в ядерной войне и завышенной оценкой защищенности государства от ядерного удара.

Заключение

Проведенный анализ геополитических рисков и психологической проблематики ядерного сдерживания в XXI в. позволяет сделать следующие выводы.

По мере совершенствования стратегических вооружений, увеличения диспропорций в их потенциале у ядерных держав, а также ускоряющегося распространения ядерного оружия психологические аспекты ядерного сдерживания становятся *не менее важными* для обеспечения стратегической стабильности, чем собственно техническое превосходство. Эту тенденцию усиливают другие факторы, напрямую не связанные с гонкой вооружений: развитие социальных медиа, все большая изоэренность средств информационной войны, все большая взаимозависимость стран в глобальной экономике.

Предметным полем психологии ядерного сдерживания являются психологические закономерности гонки ядерных вооружений, индивидуальные и групповые психологические характеристики, влияющие на решения о сокращении ядерного оружия, его распространении и применении, отношении к его применению, к возможным психологическим предпосылкам и последствиям ядерной войны.

В качестве *объекта* психологии ядерного сдерживания могут выступать личность, малые и крупные социальные группы (от диады до нации и мирового сообщества), их поведение и деятельность, процессы

межличностного и межгруппового взаимодействия, связанные с созданием, распространением и использованием ядерного оружия.

К психологическим феноменам и механизмам, влияющим на стратегическую стабильность, можно отнести психологические особенности взаимодействия типа «проигрыш–проигрыш», субъективный характер ядерной угрозы и механизмы ее восприятия, формирование межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях риска, особенности принятия решений и ведения переговоров в кризисных ситуациях, социально-психологические закономерности межгруппового восприятия, механизмы формирования отношения к использованию ядерного оружия в массовом сознании.

Можно выделить пять основных групп психологических факторов, влияющих на рост и распространение ядерных вооружений, а также на готовность их использовать: внутриличностные, межличностные, внутригрупповые, межгрупповые и социетальные.

Обозначим ряд важных тем, относящихся к перспективным направлениям исследований в этой области.

- 1) психологические особенности особого типа межличностного и межгруппового взаимодействия «проигравший–проигравший», мало изученного в отечественной и зарубежной психологии, наиболее вероятный исход которого – взаимный проигрыш вплоть до полного взаимоуничтожения;
- 2) *социально-психологические аспекты ядерного терроризма*, т. е. использования ядерного оружия в качестве несимметричного ответа на вмешательство противника, имеющего техническое, материальное превосходство;
- 3) *психологические особенности восприятия в массовом сознании ядерной угрозы*, связанной с международной напряженностью и терроризмом, влияние различных социальных страхов и коллективного

образа будущего на представления о допустимости использования ядерного оружия;

- 4) *психологические механизмы формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска в ходе принятия стратегических решений и переговоров.*

Можно выделить несколько актуальных направлений исследований психологических аспектов стратегической безопасности.

Необходимы социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности при принятии решений в кризисных ситуациях, характеризующихся угрозой для базовых ценностей, дефицитом времени и высокой неопределенностью. Пристального изучения требуют механизмы групповой рефлексии не только в малых группах, но и в больших социальных группах и сетевых сообществах.

Необходимо уточнение роли социальной идентичности в принятии решения о приобретении и применении ядерного оружия. Мы все еще не имеем ясного представления о том, какие психологические факторы позволяют разрешить противоречие нормами международного сообщества и стремлением действовать в интересах своей социальной группы (политико-экономической, национальной, религиозной и др.). Особенно важным в этой связи представляется изучение предпосылок глобальной идентичности, способности личности отождествлять себя не только со своим этносом и государством, но и со всем человечеством (Нестик, 2015). Речь идет о формировании двойной идентичности, когда личность сохраняет принадлежность и к своей социальной группе, и к обществу в целом. С точки зрения теории самокатегоризации актуализация альтернативных идентичностей (неэтнических или неполитических) – гражданских, профессиональных, глобальных и т. п. – не только позволяет снизить межгрупповую напряженность (Gaertner, Dovidio, 2000), но и облег-

чает постановку суперординантных целей, связанных с предотвращением глобальных рисков. Анализ успешно преодоленных антропогенных кризисов показывает, что условием успеха оказывалось расширение групповой идентификации, рост внутреннего разнообразия и формирование ценностей, облегчавших межгрупповую интеграцию (Назаретян, 2007).

До сих пор в контексте ядерного сдерживания изучались лишь те личностные характеристики руководителей, которые связаны с политическими ценностями, внутригрупповым и межгрупповым взаимодействием. Между тем мало изученной остается роль таких характеристик, как доверие к миру, оптимизм, временные перспективы. Исследования в области ядерного сдерживания посвящены в основном феноменам безопасности, избегания рисков, сохранения статус-кво. Важным психологическим условием предотвращения катастроф является позитивный образ будущего, способность ставить долгосрочные позитивные цели. Анализ преодоления кризисов показывает: чем более долгосрочные цели мы ставим перед собой при выходе из кризиса, тем больших жертв удастся избежать (Арманд и др., 1999). Долгосрочная перспектива позволяет абстрагироваться от частных, сдвигает внимание с анализа затрат на предвосхищение выгоды, подталкивает к позитивным оценка будущего (Krebs, Rapport, 2012; Нестик, 2014). Психологические исследования свидетельствуют о том, что не алармистский подход, не нагнетание тревоги повышают готовность к действиям по предотвращению глобальных рисков, а постановка позитивных целей, поиск взаимовыгодных решений, повышение самооценки и возможностей для самореализации (Stoknes, 2015). Само по себе запугивание ядерной угрозой и ужесточение контроля за созданием и распространением ядерных технологий только усиливают недовольство сложившимся положением среди лидеров неядерных государств. Путь к снижению ядерной угрозы лежит не через демонстрацию недоверия и на-

ращивание средств обнаружения, а через дипломатию, поддерживающую чувства национального достоинства у политических элит всех заинтересованных сторон (Huymans, 2006).

Важной задачей остается изучение психологических механизмов формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска в ходе принятия стратегических решений и переговоров. Исследования в области организационной психологии и межличностного доверия позволяют предположить, что в кризисных ситуациях критерии доверия и недоверия сторон друг другу меняются как по значимости, так и по содержанию. Это не может не влиять на практические рекомендации по разрешению кризисных ситуаций в международных отношениях.

Литература

- Александров В. В., Моисеев Н. Н.* Ядерный конфликт глазами климатологов и математиков // Вестник АН СССР. 1984. № 11. С. 65–76.
- Аллисон Г.* Концептуальные модели и Кубинский ракетный кризис // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6. С. 256–266; 2001. № 1. С. 221–232.
- Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (1971–2006). Вып. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Барабанов О. Н., Бордачёв Т. В., Лукьянов Ф. А., Суслов Д. В., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н.* Война и мир 21 века. Международная стабильность и баланс нового типа. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М.: Валдайский клуб, 2016.
- Бурмистрова Н. Н., Журавлев А. Л.* Изменение оценок эффективности разрешения конфликта в условиях изменения представлений участников конфликта о третьей стороне // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 8. С. 236–243.
- Вахин А. А., Журавлев А. Л.* Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 101–108.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

- Воловикова М. И., Журавлев А. Л., Сумарокова В. А. Испытание страхом (Чернобыль в судьбе человека) // Сознание личности в кризисном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. С. 95–108.
- Вопросы безопасности и стратегической стабильности: в терминах и определениях / Под ред. В. Н. Михайлова. М.: Госкорпорация «Росатом», 2009.
- Гинзбург А. С. Планета Земля в «послеядерную эпоху». М.: Наука, 1987.
- Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. Совместное исследование ИМЭМО РАН и Атлантического совета / Пер. с англ.; под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
- Голицын Г. С., Гинзбург А. С. Кибернетика, ноосфера и проблемы мира. М.: Наука, 1986. С. 78–93.
- Головин В. А., Пионтковский М. Н. Эволюция концепции стратегической стабильности: ядерное оружие в XX и XXI веке. М.: ЛКИ, 2008.
- Демидов В. В., Дудин В. В. Процесс принятия политических решений. Новосибирск: САУМК, 2008.
- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Долгосрочные изменения в системе мировой политики и интересы России в свете Санкт-Петербургского саммита «Группы двадцати» / Под ред. А. А. Кокошина. М.: Ленанд, 2013.
- Дьяконова Н. А., Юртайкин В. В. Авторитарная личность в России и США: ценностные ориентации и локус контроля // Вопросы психологии. 2000. №4. С. 51–60.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: тезисы докладов международной научно-практической конференции. Владимир, 2016. С. 12–17.

- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 5–24.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Социально-психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012а. № 3. С. 16–123.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Психологические аспекты ядерного сдерживания и стратегической стабильности // Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 427–439.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Звезды ярославской психологии: Сборник к 60-летию А. В. Карпова. Ярославль, 2016. С. 13–43.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Форум–Инфра-М, 2008.
- Журавлева Н. А.* Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
- Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
- Игнатенко А.* Ислам и политика. М., 2004.
- Извольский А.* Три истощных вопля паникера: почему мы не готовы к большой войне // Завтра. 2015. Декабрь. № 48.
- Изюмова И. В.* Критерии доверия клиентов к организации при разной субъективной оценке риска для здоровья: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2009.

- Климатические и биологические последствия ядерной войны / Под ред. Е. П. Велихова. М.: Наука, 1987.
- Кокошин А. А. Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной мировой политике. М.: УРСС, 2004.
- Кокошин А. А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы. М.: КРАСАНД, 2009.
- Кокошин А. А. Стратегическая стабильность. Научно-технические, военные и политические аспекты // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 11. С. 963–970.
- Кокошин А. А. Ядерные конфликты в XXI веке. Типы, формы, возможные участники. М.: Медиа-Пресс, 2003.
- Кольцова В. А., Нестик Т. А., Соснин В. А. Психологическая наука в борьбе за мир: история, направления исследований // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 5–15.
- Королев А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. История и психология: неумолчный диалог. Учебное пособие / Под ред. А. А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011.
- Крюкова Т. Л., Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А. Основные направления психологических исследований со-владающего поведения (Вместо предисловия) // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 7–19.
- Къеза Дж. Провокация на крови // Завтра. 2015. Декабрь. № 49.
- Левицкий Р., Сандерс Д., Барри Б., Минтон Дж. Самое главное о переговорах. М.: Форум, 2006.
- Ломов Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Ломов Б. Ф., Журавлев А. Л. Психология и управление. М.: Знание, 1978.
- Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

- Международное право: Учебник / Отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма–Инфра-М, 2009.
- Мельницкая Т. Б.* Информационно-психологическая безопасность населения в условиях риска радиационного воздействия: концепция, модель, технологии: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2009.
- Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Микоян С. А.* Анатомия Карибского кризиса. СПб.: Academia, 2006.
- Назаретян А. П.* «Агентура влияния» в контексте глобальной геополитической перспективы // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 160–171.
- Назаретян А. П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. Изд. 2-е, испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Неклесса А. И.* Сердце тьмы: травматическая инклюзия // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 280–295.
- Нестик Т. А.* Глобальная идентичность в обществе риска // Наука. Культура. Общество. 2015. № 4. С. 130–140.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Прогноз психологической науки и практики к 2030 г. // Наука. Культура. Общество. 2016. № 2. С. 5–16.
- Нестик Т. А., Изюмова И. В.* Социально-психологический анализ доверия к медицинским учреждениям // Научный поиск. Сборник научных работ студен-

- тов, аспирантов и преподавателей. Выпуск 6. Ярославль, 2005. С. 208–213.
- Нечитайло Д. А.* Современный радикальный исламизм: стратегия и тактика. М.: Наука, 2011.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Питток Б., Акерман Т., Крутцен П., Мак-Кракен М., Шапиро Ч., Турко Р.* Последствия ядерной войны. Физические и атмосферные эффекты. М.: Мир, 1988.
- Полегаев В. И., Алферов В. В.* О неядерном сдерживании, его роли и месте в системе стратегического сдерживания // Военная мысль. 2016. Июль.
- Преодоление разногласий в вопросах безопасности в 2015 году. Российская, американская, европейская позиции. Рабочая тетрадь № 21/2015; Российский совет по международным делам (РСМД) / Пер. с англ. М.: Спецкнига, 2015.
- Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2007.
- Прогресс психологии: критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Прох В. Э., Марченко Т. А., Рыбников В. Ю., Мельницкая Т. Б.* Информационно-психологическая безопасность населения территорий с объектами ядерной энергии: Учебное пособие. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2009.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

- Психологические проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология: Учебник для экономических вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.
- Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Сэ, 2003.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психология человека в современном мире. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология человека и общества: научно-практические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Роцин С. К., Соснин В. А.* Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества

- и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 59–104.
- Слотердаjk П.* Критика цинического разума / Пер. А. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001.
- Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика. М.: Наука, 1988.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2 т. М.: ИСПИ РАН, 2014. Т. 1.
- Современная психология: справочное руководство / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М.: Инфра-М, 1999.
- Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Соснин В. А.* Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М.: Форум, 2015.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л.* Психология массового поведения: истоки и современные тенденции исследования // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 49–61.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: материалы V международной научно-практической конференции. Казань, 2011.
- Соснин В. А., Нестик Т. А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

- Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Султанов Ш. Терроризм в гибридном интернете // Завтра. 2015. № 46.
- Сумарокова В. А., Журавлев А. Л. Изучение социально-психологических процессов адаптации к условиям длительного проживания на загрязненных территориях. Качественное психологическое исследование. Чернобыль в судьбе человека // Чернобыльский след: социально-психологические процессы в посткатастрофном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1992. С. 53–73.
- Сырцова А. Возрастная динамика временной перспективы личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Тарасов К. С. Теоретические подходы к проблеме распространения ядерного оружия // Вестник МГИМО. 2015. № 4 (43). С. 130–138.
- Тарабрина Н. В., Журавлев А. Л. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (Вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Тимофеев И. Н. Дилемма безопасности. Риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. 2009. № 4. С. 8–33.
- Тимофеев И. Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений. Рабочая тетрадь № 18/2014; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2014.
- Тодуа З. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. М.: Изд-во «ИН-Октавио», 2006.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.

- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Психологическое содержание социальных институтов и модель психосоциального человека // Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 211–220.
- Хащенко Н. Н. Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на экологически неблагоприятных территориях (Чернобыльский след): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2002.
- Хащенко Н. Н., Журавлев А. Л. Социально-психологические факторы жизнедеятельности личности на радиоактивно загрязненных территориях: программа исследования // Современная психология: состояние и перспективы исследований: юбилейная научная конференция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 200–230.
- Чазов Е. И., Ильин Л. А., Гуськова А. К. Опасность ядерной войны. Точка зрения советских ученых-медиков. М.: АПН, 1982.
- Шебаршин Л. В. Рука Москвы: записки начальника советской разведки. М.: Центр-100, 1992.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Психологические аспекты поиска российской национальной идеи // Вопросы философии. 2016а. № 8. С. 69–78.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 3. С. 88–98.
- Ядерное распространение. Новые технологии, вооружения и договоры / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.
- Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Моск. Центр Карнеги, 2005.

- Abrams D., Wetherell M., Cochrane S., Hogg M.A., Turner J. C.* Knowing what to think by knowing who you are: Self-categorisation and the nature of norm formation, conformity and group polarization // *British Journal of Social Psychology*. 1990. V. 29. P. 97–119.
- Action J. M.* Bombs Away? Being Realistic about Deep Nuclear Reductions? // *Washington Quarterly*. Spring. 2012. 35. P. 38–41.
- Allen B. P.* Frightening Information and Extraneous Arousal: Changing Cognitions and Behavior Regarding Nuclear War // *Journal of Social Psychology*. 1993. V. 133. № 4. P. 459–467.
- Allen B. P.* Defeating Denial: Limited Nuclear War and the Small World Problem // *Journal of Social Psychology*. 1990. V. 130. Issue 5. P. 693–695.
- Allen B. P.* Frightening Information and Extraneous Arousal: Changing Cognitions and Behavior Regarding Nuclear War // *Journal of Social Psychology*. 1993. V. 133. Issue 4. P. 459–467.
- Allison G.* *Essence of Decision*. Boston: Little, Brown, 1971.
- Altemeyer B.* *The authoritarian specter*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- Altemeyer B.* What Happens When Authoritarians Inherit the Earth? A Simulation // *Analyses of Social Issues & Public Policy*. 2003. V. 3. № 1. P. 161–169.
- Anstee J.* Norms and the management of identities: The case for engagement between constructivism and the social identity approach // V.P. Shannon, P.A. Kowert (Eds). *Psychology and Constructivism in International Relations: An Ideational Alliance*. Michigan, USA: University of Michigan Press, 2012. P. 76–91.
- Barsh D.P., Lipton J.E.* *The Caveman and the Bomb: Human Nature, Evolution and Nuclear War*. N. Y., 1985.
- Bassett J. F.* Psychological defenses against death anxiety: integrating terror management theory and firestone's separation theory // *Death Studies*. 2007. V. 31. P. 727–750.
- Berejikian J. D.* A Cognitive Theory of Deterrence // *Journal of Peace Research*. 2002. V. 39. № 2. P. 165–183.

- Blight, James G.* Can psychology help reduce the risk of nuclear war? Reflections of a “Little Drummer Boy” of Nuclear Psychology // *Journal of Humanistic Psychology*. 1988. V. 28. Issue 2. P. 7–58.
- Blumberg H. H.* Peace psychology after the Cold War: A selective review // *Genetic, Social & General Psychology Monographs*. 1998. V. 124. Issue 1. P. 5–37.
- Booth K., Wheeler N. J.* The security dilemma: Fear, cooperation and trust in world politics. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Brams S. J.* Superpower Games: Applying Game Theory to Superpower Conflict. New Haven, CT: Yale University Press, 1985.
- Brewer S.* Why America Fights: Patriotism and War Propaganda from the Philippines to Iraq. N. Y.: Oxford University Press, 2009.
- Brodie B.* Strategy in the Missile Age. Princeton University Press, 1959.
- Bronfenbrenner U.* The mirror image in Soviet-American relations: A social psychologist’s report // *Journal of Social Issues*. 1961. V. 17. P. 45–56.
- Browen W., Morgan M.* Living with nuclear hedging: the implications of Iran’s nuclear strategy // *International Affairs*. July 2015. V. 91. № 4. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/INTA91_4_01_BowenMoran.pdf (дата обращения: 15.06.2016).
- Browne M.* The Atom and the Way. L.: Gollanez, 1946.
- Chakma B.* Pakistan’s nuclear Weapons. L.: Routledge, 2009.
- Chandler M. A.* Developing a measure of nuclear war anxiety: a factor analytic study // *Humboldt Journal of Social Relations*. 1991. V. 16. Issue 2. P. 39–64.
- Christie D. J.* Opposing Ideologies on the Immutability of Human Behavior and Social Systems // *Peace & Conflict*. 2003. V. 9. Issue 4. P. 333–337.
- Christie D. J.* What is Peace Psychology the Psychology of? // *Journal of Social Issues*. 2006. V. 62. Issue 1. P. 1–17.

- Cohen A.* The worst kept secret Secret: Israel's Bargain with the Bomb. Columbia University Press, 2010.
- Colby E. A., Denmark A. M., Warden J. K.* Nuclear Weapons and U. S.–China Relation. A report of Poni working group. 2013.
- Davidson M.* The Mid-Twentieth Century Atom. L.: Hutchinson, 1946.
- Davis J.* Post Detonation Nuclear Forensics // AIP Conference Proceedings. 2014. V. 1596. P. 206–209.
- Deutsch M.* Psychological alternatives to war // Journal of Social Issues. 1962. V. 18. P. 97–119.
- Dolan Th. M.* Unthinkable and Tragic: The Psychology of Weapons Taboos in War // International Organization. 2013. V. 67. № 41. P. 37–63.
- Early-Adams P., Wallinga Ch., Skeen P., Paguio L. P.* Coping in the Nuclear Age: The Practitioner's Role // Families in Society. 1990. V. 71. Issue 9. P. 558–562.
- Eidelson R. J.* How Leaders Promote War by Exploiting Our Core Concerns // Peace Review. 2013. V. 25. № 2. P. 219–226.
- Etheredge L. S.* Personality Effects on American Foreign Policy, 1896–1968: A Test of Interpersonal Generalization Theory // American Political Science Review. 1978. V. 72. № 2. P. 434–451.
- Fabick S. D.* Two Psychologically Based Conflict Resolution Programs: Enemy Images and US & THEM // Journal for Social Action in Counseling & Psychology. 2007. V. 1. Issue 1. P. 72–81.
- Fiske S. T., Fischhoff B., Milburn M. A.* Images of Nuclear War: An Introduction // Journal of Social Issues. 1983. V. 39. № 1. P. 1–6.
- Frarel M. T.* Strong Borders, Secure Nation: Cooperation and Conflict itchiness Territorial Disputes. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2008.
- Freedman L.* The Evolution of Nuclear Strategy. Granit Britain: Antony Rove, 2003.
- Frey K.* Nuclear Weapons as Symbols: The Role of Norms in Nuclear Policy Making // IBEI Working Papers. 2006. V. 3. P. 4–19.

- Fuhrmann M.* Atomic Assistance: How “Atoms for Peace” Programs Cause Nuclear Insecurity. Ithaca–L.: Cornell University Press, 2012.
- Gaertner S. L., Dovidio J. F.* Reducing intergroup bias: The common ingroup identity model. Philadelphia, PA: Psychology Press – Taylor & Francis, 2000.
- Gat A.* Is war declining – and why? // *Journal of Peace Research*. 2013. V. 50 № 2. P. 149–157.
- George A. L.* Presidential Decisionmaking in Foreign Policy: The Effective Use of Information and Advice. Boulder: Westview Press, 1980.
- Gollwitzer P. M., Heckhausen H., Steller B.* Deliberative and implemental mind-sets: Cognitive tuning toward congruous thoughts and information // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 59 (6). P. 1119–1127.
- Gray C. S., Payne K.* Victory is Possible // *Foreign Policy*. 1980. V. 39. P. 14–27.
- Greenberg J.* Understanding the Vital Human Quest for Self-Esteem // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. V. 3. № 1. P. 48–55.
- Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon Sh.* The Causes and Consequences of a Need for Self-Esteem: A Terror Management Theory // *Public Self and Private Self* / Ed. by R. F. Baumeister. N. Y.: Springer-Verlag, 1986. P. 21–62.
- Hamilton S. B., Chavez E. L., Keitlin W. G.* Thoughts of Armageddon: The relationship between nuclear threat attitudes and cognitive/emotional responses // *International Journal of Mental Health*. 1986. V. 15. P. 189–207.
- Hawley G. G., Leifson S. W.* Atomic Energy in War and Peace. N. Y.: Reinhold Publishing Co., 1945.
- Herek G. M., Janis I. L., Huth P.* Decision Making During International Crises // *Journal of Conflict Resolution*. 1987. V. 31. Issue 2. P. 203–226.
- Holsti O. R.* Crisis decision making // *Behavior, society and nuclear war*. V. 1. N. Y.: Oxford University Press, 1989. P. 8–84.

- Hymans J. E. C.* Achieving Nuclear Ambitions: Scientists, Politicians and Proliferation. N. Y.: Cambridge University Press, 2012.
- Hymans J. E. C.* The Psychology of Nuclear Proliferation. Identity, Emotions and Foreign Policy. Smith College, Massachusetts, 2006.
- Hymans J. E. C.* The Threat of Nuclear Proliferation: Perception and Reality // Ethics & International Affairs. 2013. V. 27. № 3. P. 281–298.
- Janis I. L.* Victims of Groupthink. N. Y.: Houghton Mifflin, 1972.
- Jervis R.* Cooperation Under the Security Dilemma // World Politics. 1978. V. 30. № 2. P. 167–214.
- Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1976.
- Jervis R., Lebow R. N., Stein J. G.* Psychology and Deterrence. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1985.
- Johnson D. P., Tierney D.* The Rubicon theory of war: How the path to conflict reaches the point of no return // International Security. 2011. V. 36. P. 7–40.
- Johnson R. D.* From ground zero to a year after The Day After. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association, Los Angeles, 1985.
- Kahn H.* On Escalation: Metaphors and Scenarios. N. Y.: Frederick A. Praeger, 1965.
- Kent A.* A Critical Look at Risk Assessments for Global Catastrophes // Risk Analysis. 2004. V. 24. P. 157–168.
- Kerr N. L., Tindale R. S.* Group performance and decision making // Annual Review of Psychology. 2004. V. 55. P. 623–655.
- Khalid I.* Nuclear Doctrine: Ramifications for South Asia // Research Journal of South Studies. V. 27. № 2. 2012. July–December. P. 313–334.
- Khong Y.* Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu and the Vietnam Decisions of 1965. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1992.

- Khripunov I.* The Social and Psychological Impact of Radiological Terrorism // *The Nonproliferation Review*. 2006. V. 13. № 2. P. 275–316.
- Kierulff S.* Armageddon Theology and the Risk of Global War: The Limits of Religious Tolerance in the Nuclear Age // *Journal of Humanistic Psychology*. 1992. V. 32. Issue 4. P. 92–107.
- Kierulff S., Zippin D.* Nuclear attitudes: Beliefs, knowledge and opinions regarding nuclear weapons. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association, Los Angeles, 1985. URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED267304.pdf> (дата обращения: 16.04.2016).
- Knopf J. W.* Nuclear Disarmament and Nonproliferation // *International Security*. 2012. V. 37. № 3. P. 92–132.
- Krebs R. R., Rapport A.* International Relations and the Psychology of Time Horizons // *International Studies Quarterly*. 2012. V. 56. № 3. P. 530–543.
- Kull S.* *Minds at War: Nuclear Reality and the Inner Conflicts of Defense Policymakers*. N. Y.: Publisher Basic Books, 1988.
- Kuper S.* The rude truth of modern politics // *Financial Times*. 2016. September 8.
- Larsen K. S.* Attitudes toward nuclear disarmament and their correlates // *Journal of Social Psychology*. 1985. V. 125 (1). P. 17–21.
- Lavoy P. R.* Pakistan's foreign relations // T. N. Devin (Ed.). *The consequences of nuclear Proliferation: Lessons from South Asia*. Boulder, 2005.
- Lebow R. N.* *Between Peace and War: The Nature of International Crisis*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.
- Lebow R. N.* *Nuclear crisis management*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1985.
- Letov P.* Strengthening the Nuclear Nonproliferation Regime. Report № 54. Institution and Global Program. Antiterror 1. 2010.
- Levis P.* Iran and Nuclear Restraint // Research Paper. Middle North Africa Program and International Security Department. 2015. July.

- Levy J. S.* Psychology and Foreign Policy Decision-Making // The Oxford Handbook of Political Psychology. 2nd ed. / Ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Matiuddin K.* The nuclearisation of South Asia. Karachi: Oxfordaika University Press, 2002. P. 229.
- Mayton D. M.* Measurement of Nuclear War Attitudes: Methods and Concerns // Basic & Applied Social Psychology. 1988. V. 9. Issue 4. P. 241–263.
- Mayton D. M.* Personality Correlates of Nuclear War Threat Perception // Journal of Social Psychology. 1986. V. 126. Issue 6. P. 791–700.
- Mayton D. M.* Spontaneous concern About Nuclear War by College Students // Basic & Applied Social Psychology. 1986. V. 7. Issue 3. P. 185–193.
- McClenney J. T., Neiss R.* Responses to the threat of nuclear war: An experimental study of attitudes. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association, Toronto, 1984, August.
- Morawski J. G., Goldstein Sh. E.* Psychology and Nuclear War: A Chapter in Our Legacy of Social Responsibility // American Psychologist. 1985. V. 40. Issue 3. P. 276–345.
- Mount A.* The Strategic logic of nuclear restrains. CSIS. Poncapstone. US. Stratton. March. 2015.
- Neale M., Bazerman M.* Negotiator cognition and rationality: A behavioral decision theory perspective // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1992. V. 51. P. 157–175.
- Nelson L., Slem C.* Attitudes about arms control and effects of The Day After. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association, Toronto. ERIC Document Reproduction Service No. ED 257699, 1984.
- Newcomb M. D.* Nuclear Attitudes and Reactions: Associations With Depression, Drug Use, and Quality of Life // Journal of Personality & Social Psychology. 1986. V. 50. Issue 5. P. 906–920.
- Newcomb M. D.* Assessment of Nuclear Anxiety Among American Students: Stability Over Time, Secular Trends, and

- Emotional Correlates // *Journal of Social Psychology*. 1989. V. 129. Issue 5. P. 591–608.
- Newcomb M. D.* Nuclear Anxiety and Psychological Functioning Among Young Adults // *Basic & Applied Social Psychology*. 1988. V. 9. Issue 2. P. 107–134.
- Pattanik S. S.* War on terror and its implication on Pakistan's Kashmir policy... Routledge, 2008.
- Paul T. V.* The tradition of non-use of nuclear weapons. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2009.
- Pfiffner J. P.* Presidential Decision Making: Rationality, Advisory Systems and Personality // *Presidential Studies Quarterly*. 2005. V. 35. P. 217–228.
- Pilisuk M.* Addictive Rewards in Nuclear Weapons Development // *Peace Review*. 1999. V. 11. № 4. P. 597–600.
- Plous S.* The Nuclear Arms Race: Prisoner's Dilemma or Perceptual Dilemma? // *Journal of Peace Research*. 1993. V. 30. № 2. P. 163–179.
- Pruitt D. G., Rubin J. Z.* Social conflict escalation, stalemate, and settlement. N. Y.: Random House, 1986.
- Rublee M. R.* Nonproliferation Norms: Why States Choose Nuclear Restraint. By Maria Rost Rublee. Athens: University of Georgia Press, 2009.
- Rühle M.* Deterrence: what it can (and cannot) do // *NATO Review*. 2015. P. 1.
- Schelling Th. C.* Arms and Influence. New Haven: Yale University Press, 1966.
- Schofield J., Fox D. L.* An experimental study of anti-nuclear war reactions // Paper presented at the annual meeting of the International Society of Political Psychology. San Francisco, 1987. July.
- Shepard G. H.* Personality effects on American foreign policy // *International Studies Quarterly*. 1988. V. 32. P. 91–123.
- Smith N., Leiserowitz A.* The Role of Emotion in Global Warming Policy Support and Opposition // *Risk Analysis: An International Journal*. 2014. V. 34. № 5. P. 937–948.
- Stein J. G.* Threat perception in international relations // *The Oxford Handbook of Political Psychology*. 2nd ed. /

- Ed. by L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Stern E. K.* Crisis Decisionmaking: A Cognitive Institutional Approach. Stockholm: Swedish National Defence College, 2003.
- Sternberg R. J., Soriano L. J.* Styles of conflict resolution // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. V. 47. № 1. P. 115–126.
- Stoknes P. E.* What We Think About When We Try Not To Think About Global Warming: Toward a New Psychology of Climate Action. Vermont: Chelsea Green Publishing, 2015.
- Stoner I. A. F.* Risky and cautious shifts in group decisions: the influence of widely held values // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1968. V. 4. P. 442–459.
- Suchy P., Thayer B. A.* Weapons as political symbolism: the role of U. S. tactical nuclear weapons in Europe // *European Security*. 2014. V. 23. № 4. P. 509–528.
- Taliaferro J. W.* Balancing risks: Great power intervention in the periphery. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2004.
- Tetlock Ph. E., McGuire Ch. B., Mitchell G.* Psychological Perspectives on Nuclear Deterrence // *Annual Review of Psychology*. 1991. V. 42. P. 239–276.
- The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order* / Ed. by B. Brodie. N. Y.: Harcourt Brace, 1946.
- The Pacific Times*. 1974. June 8.
- Wagner R. V.* Distinguishing between Positive and Negative Approaches to Peace // *Journal of Social Issues*. 1988. V. 44. Issue 2. P. 1–15.
- Wagner R. V.* Psychology and The Threat of Nuclear War // *American Psychologist*. 1985. V. 40. Issue 5. P. 531–535.
- Wagner R. V.* Tribute to Milton Schwebel, Editor par Excellence // *Peace & Conflict*. 2001. V. 7. Issue 3. P. 197–200.
- Walsh J.* Lessons from success: The NPT and the Future of non-proliferation // Paper prepared for the Weapons of mass Destruction Commission. 41. Stockholm. October. 2005. P. 13. URL: <http://www.un.org/disarma>

ment/education/wmdcommission/files/no41.pdf (дата обращения: 14.05.2016).

- Weber E. U.* Experience-based and description-based perceptions of long-term risk: why globalwarming does not scare us (yet) // *Climatic Change*. 2006. V. 77. № 1/2. P. 103–120.
- Werner P. D., Roy P. J.* Measuring activism regarding the nuclear arms race // *Journal of Personality Assessment*. 1985. V. 49. P. 181–186.
- Wohlstetter A.* The Delicate Balance of Terror // *Foreign Affairs*. 1959. V. 37. № 2. P. 211–234.
- Zweigenhaft R. L., Jennings Ph., Rubinstein S. C., Van Hoorn J.* Nuclear Knowledge and Nuclear Anxiety: A Cross-Cultural Investigation // *Journal of Social Psychology*. 1986. V. 126. Issue 4. P. 473–484.

Научное издание

Журавлев Анатолий Лактионович,
Нестик Тимофей Александрович,
Соснин Вячеслав Александрович

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: vbelop@ipras.ru, <http://www.ipras.ru>

Сдано в набор 30.09.16. Подписано в печать 13.10.16
Формат 84 × 108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура ГТС СНАРТЕР. Уч.-изд. л. 4,5; усл.-печ. л. 7,5
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ФГУП Издательство «Известия» УД ПРФ
127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6